

Е. В. ТОНКОВ

БУДНИ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ВУЗА

(ЗАПИСКИ ПРОРЕКТОРА)

Белгород 2013

ББК 74.247.102

Т 57

Тонков Е.В.

Т 57

Будни педагогического вуза (записки проректора) /
Е.В. Тонков. – Белгород : ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2013. –
96 с.: ил.

ISBN 978-5-9571-0776-7

Предлагаемая книга – это продолжение книги Е.В. Тонкова «Будни сельской школы (записки директора)». В новом произведении автор показывает свое становление как педагога и проректора педагогического вуза (конец 60-х – начало 80-х годов XX века), прослеживает органичную взаимосвязь своей деятельности с развитием Белгородского государственного педагогического института (ныне НИУ «БелГУ»), интеграцию вузовской науки, способствующую формированию коллектива единомышленников.

Книга адресована руководителям вузов и педагогических колледжей, преподавателям, аспирантам и студентам.

ББК 74.247.102

ISBN 978-5-9571-0776-7

© Тонков Е.В., 2013
© ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2013

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия	5
Глава 1. Начало преподавательской деятельности в вузе	7
Глава 2. Вхождение в проректорский корпус	24
Глава 3. Руководство кафедрой	46
Глава 4. Проректор по учебной работе	53
Глава 5. Новое назначение	74

Евгений Вячеславович Тонков родился 10 сентября 1933 года в Архангельске. В 1956 году окончил исторический факультет Воронежского государственного университета. В течение десяти лет работал директором сельских школ, заведовал районным отделом народного образования в Воронежской области. С сентября 1968 года по 5 декабря 2012 года работал в Белгородском государственном педагогическом институте (с 1996 года – Белгородский государственный университет).

Более тридцати лет являлся проректором университета. Автор 130 научных трудов, в том числе 3 монографий и 17 учебных пособий по проблемам воспитания и обучения. Целый ряд работ Е.В. Тонкова изданы в Германии и Польше, где он читал курс лекций студентам и преподавателям высших учебных заведений. Работу в должности проректора совмещал с преподавательской деятельностью – заведовал кафедрой педагогики и психологии, был доцентом, а затем профессором кафедры педагогики.

Основной труд Е.В. Тонкова «Педагогика образования» рекомендован учебно-методическим объединением Министерства образования и науки Российской Федерации в качестве учебного пособия для студентов высших учебных заведений. Под научным руководством Е.В. Тонкова девять аспирантов успешно защитили кандидатские диссертации.

За заслуги в области педагогической науки и образования ему присвоено учено звание профессора по кафедре педагогики.

Е.В. Тонков – Заслуженный учитель школы РСФСР, Почетный работник высшего профессионального образования РФ, награжден медалью К.Д. Ушинского, медалью «За заслуги перед Землей Белгородской» II степени. Почетный профессор Белгородского государственного университета.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

В конце апреля 2013 года вышла из печати моя книга «Будни сельской школы (записки директора)». Это были не просто воспоминания, а история сельской школы 50–60-х годов XX века. На опыте своей работы директором сельских школ различного уровня – от семилетней малокомплектной до средней общеобразовательной – показано, как выдвижение перед школьниками целостной системы перспективных линий способствовало формированию нравственных качеств каждой личности и коллектива в целом, обеспечивало организацию жизнедеятельности учеников и учителей.

Вся моя дальнейшая жизнь была связана с Белгородским государственным педагогическим институтом (позже университетом), в котором я проработал свыше сорока четырех лет, в основном, на руководящих должностях, в том числе, более тридцати лет – проректором, из них двадцать четыре года – проректором по научной работе. В предлагаемой книге я решил остановиться на конце 60-х – начале 80-х годов, то есть периоде моего становления как преподавателя и проректора вуза.

Работали мы тогда без компьютеров и другой вспомогательной техники, однако качество обучения студентов и их подготовка к будущей профессии, пожалуй, была лучше нынешней. Это не голословное утверждение, а собственный многолетний опыт. Видимо, одна из причин – в плане приема студентов, он соответствовал потребностям региона, и все места были только бюджетными.

В Белгородском государственном национальном исследовательском университете на 2013/14 учебный год план приема на очную систему обучения – 6016 мест, из них бюджетных – 1242. План приема на заочную систему – 3435, в том числе бюджетных – 355¹.

Другая причина в том, что в те годы мы жили и работали безо всяких потрясений и реформаций, и нам еще не было знакомо Бо-

¹ Белгородские известия. – 2013. – 25 июня.

лонское соглашение, которому наше образование слепо следует последнее десятилетие. Мы зачем-то пытаемся натянуть на себя пиджак с чужого плеча, забывая о своем русском самобытном менталитете, о котором неоднократно повторял, чтобы мы не забывали, выдающийся педагог К.Д. Ушинский. Пединститут готовил специалистов высшей квалификации, и они таковыми выходили через четыре-пять лет.

Вся научно-методическая работа была направлена на качество обучения, а интеграция научной работы многих кафедр способствовала формированию единого коллектива. Вся идеология различных структур пединститута была подчинена подготовке студента к работе в школе. Никаких магистров и бакалавров тогда не существовало и в помине. Была стабильная государственная программа, рассчитанная на подготовку специалистов. О тестах при опросе студентов, как и о ЕГЭ для учащихся, не могло быть и речи. Как рассуждает студент, какова логика его мышления? – основные критерии знаний.

Складывается такое впечатление, что в Министерстве образования и науки сами не знают, чего хотят. Реформирование ради реформирования, а наяву – разрушение стройной системы образования, которая считалась самой прогрессивной в мире. А как жаль! Образование характеризует общество. За державу обидно, когда высокопоставленные чиновники и состоятельные люди отправляют своих чад учиться в заграничные вузы и колледжи, особенно в Великобританию и США. Значит, мы что-то недодаем в своих учебных заведениях, или это просто мода такая? Стоит задуматься.

Глава 1. НАЧАЛО ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ВУЗЕ

С 1 сентября 1968 года я – старший преподаватель Белгородского государственного педагогического института. Школа осталась позади, но я всегда её буду помнить – она начало моей трудовой деятельности.

Грузовик с нашими вещами прямо из Новой Усмани Воронежской области, где я четыре года работал директором средней школы, подъехал к крыльцу студенческого общежития Белгородского педагогического института им. М.С. Ольминского, которое располагалось на улице Коммунистической, 78 (ныне ул. Преображенская). На ступеньках скучали двое молодых людей, которые оказались студентами факультета физической культуры и спорта (через несколько дней я буду читать им лекции по педагогике). За небольшое вознаграждение договорились поднять наши вещи на четвертый этаж (шкаф, стол, два дивана и т.д.).

Вместе с шофером школьной машины они достаточно быстро это сделали. Комната в два окна, которая казалась довольно просторной, вдруг стала совсем тесной. У стола уместился только один стул, остальные – на шкафу. Немного придя в себя, я сбегал в гастроном № 4, который был напротив. Он встретил меня дурманящим запахом свежей колбасы и копченой рыбы. Сейчас бросишь кусочек кошке, так она удивленно посмотрит и брезгливо загребет лапкой. В магазинах продается очень много сортов колбасы, но она вся почему-то без запаха и вкуса.

Приближался учебный год, поэтому я сразу отправился в среднюю школу № 19, которая была почти рядом, чтобы определить сына в 4-ый класс. Меня встретил директор школы, который сказал, что мест в данных классах нет. Мои доводы о близости учебного заведения к месту жительства, о том, что я вчерашний директор школы, его не убедили. Но недалеко, на улице Попова, рас-

полагался городской отдел образования, где этот вопрос решили на удивление быстро. После этого мой путь лежал в пединститут на ул. Жданова (ныне ул. Студенческая).

Прежде всего, я зашел к ректору Дмитрию Михайловичу Забродину (я уже был у него несколько дней назад) и доложил о том, что прибыл и приступаю к работе. Встретил он меня доброжелательно, спросил, как я устроился со своей семьей, выразил надежду, что к новому году мы получим квартиру, пожелал успехов в работе. После этого я поднялся на четвертый этаж пединститута, где были расположены все общеинститутские кафедры, в том числе кафедра педагогики и психологии. В дверях встретил Илью Иосифовича Августевича, заведующего кафедрой. С ним я тоже уже был знаком. Он приветливо улыбнулся и пригласил расположиться рядом со своим столом, который находился у окна в приемной кабинета кафедры. За другим столом сидела лаборант. Работал И.И. Августевич на кафедре еще с пятидесятых годов, когда институт находился в Старом Осколе, в 1958 году защитил кандидатскую диссертацию, а кафедрой заведовал с 1964 года. Специализировался по истории педагогики.

Стали подтягиваться преподаватели. Оказалось, что через полчаса будет проходить заседание кафедры. Основные вопросы: уточнение учебной нагрузки на 1968/69 учебный год, а также разработка программы действий, связанных с организацией родительского всеобуча и созданием выездных бригад, цель которых – помощь сельским учителям в более глубоком усвоении теоретических вопросов и наиболее актуальных проблем педагогической науки. Преподаватели живо общались друг с другом, давно не виделись.

Иван Павлович Прокопьев приветствовал меня, как старого знакомого, так как несколько дней назад мы встречались в приемной ректора – он был ответственным секретарем приемной комиссии. Прибыл он на год раньше меня из Чебоксар, до аспирантуры работал директором школы-интерната.

Виктория Константиновна Иванова только что вернулась с защиты кандидатской диссертации, поэтому бурно делилась впе-

чатлениями. Познакомился и с другими членами кафедры, в основном, кандидатами наук, доцентами: Н.Е. Анкудиновой, М.В. Селезневой, А.И. Горбуновой, Н.М. Кайродом, старшим преподавателем Е.А. Боровиковой. Хотя кафедра была педагогики и психологии, ее контингент был невелик, так как институт только развивался, имея пять факультетов: физико-математический, русского языка и литературы, иностранных языков, в 1966 году открылся биолого-химический факультет, в 1967 году – физического воспитания. Мне зав. кафедрой И.И. Августевич предложил часы на двух факультетах: биолого-химическом и физического воспитания (лекции, семинарские и практические занятия, зачеты, экзамены, педпрактика – всего 830 часов на учебный год).

После заседания кафедры я отправился на «свои» факультеты, познакомиться с деканами и расписанием. Факультеты располагались на втором этаже. На биохимфаке меня встретил уже не столь молодой человек, лет за пятьдесят – декан, доцент Андрей Андреевич Хижняк, который тоже прибыл в институт в 1968 году. У него уже был солидный стаж педагогической работы в вузах Днепропетровска, Курска и Мелитополя. Расписание занятий у него было практически готово. Я попросил поставить 1-го сентября лекцию по педагогике, на которой я буду акцентировать внимание на роли учителя в воспитании и обучении детей. А.А. Хижняк со мной согласился. В разговоре он был предельно вежлив и ничем на другие темы не отвлекался.

Затем я зашел к декану факультета физического воспитания, доценту Алексею Алексеевичу Пазовникову. Он был старше меня на десять лет, участник Великой Отечественной войны. До этого работал в Казахском институте физической культуры г. Алма-Ата, затем заведовал кафедрой теории физического воспитания Харьковского педагогического института. Прибыл в Белгородский пединститут в 1967 году и стал исполнять обязанности декана. К моему приходу на факультете было 100 человек, т.е. первый и второй курсы. Разговорились. Алексей Алексеевич оказался словоохотливым человеком, тем более что у нас нашлась общая тема – спорт.

А.А. Пазовников закончил Ленинградский институт физической культуры им. П.Ф. Лесгафта в 1951 году.

Узнав, что я раньше играл в футбол, Алексей Алексеевич засмеялся и сказал:

– На второй курс перешел ряд студентов, играющих на первенство РСФСР в классе «Б»: Богданов, Васильев, Сахаренков, Городов, Новоченко. Ваши родственные души! – и добавил, – сам я сейчас спортом не занимаюсь, но трусцой бегаю на работу и обратно.

Такие пробежки он совершал еще лет двадцать, пока не ушел на пенсию. Мою лекцию по педагогике он поставил первой парой на 8 часов 30 минут. Тогда еще не было у деканов никаких замов, все действия по расписанию декан осуществлял сам.

Решив все вопросы, я отправился домой. Моя жена Оля сообщила, что познакомилась с соседями по этажу – семьей Ковалевых, которые тоже недавно приехали. Александр Григорьевич – доцент, кандидат экономических наук, до этого работал в Туве, в Кызыльском пединституте, его жена Нелли Тихоновна, а дети немного старше наших. А.Г. Ковалев скоро стал заведовать кафедрой политической экономии, а Нелли Тихоновна преподавать историю на подготовительных курсах. Мы всегда поддерживали с ними дружеские отношения.

30 августа состоялось производственное совещание коллектива пединститута. В президиуме были: ректор Забродин Д.М., проректор по учебной и научной работе Глухов Н.Д., секретарь парторганизации, зав. кафедрой истории партии Лихачев И.И., председатель профкома. Дмитрий Михайлович представил прибывших преподавателей, при этом подчеркнул, что все они – кандидаты наук. Таких было семеро: Ковалев А.Г., Колчанов К.Ф., Козлов А.И., Тонков Е.В., Хижняк А.А., Хохрякова Е.В., Шеховцов И.С. После этого ректор остановился на итогах прошедшего 1967/68 учебного года и определил задачи на новый период, познакомил с итогами конкурса. В среднем конкурс составил 2,5 человека на место, особенно значительным был на факультете иностранных языков и факультете физического воспитания. Всего было зачислено 405 абиту-

туриентов, и в 1968/69 учебном году в институте будет обучаться 1650 студентов. Преподавательский состав включает 189 человек, из них 66 кандидатов наук. Ни одного доктора наук в штате института не было.

Возвращение с производственного собрания «домой» ознаменовалось шумом и гамом в коридорах общежития – студенты заселяли свои комнаты. На нашем, четвертом, этаже расположился, в основном, физико-математический факультет. В туалет, который и так был без перегородок, попасть теперь стало вообще затруднительно, так же, как и в общую кухню, где стояло всего четыре газовых плиты. Оля стала варить еду в комнате на электроплитке, а я бегал в общественный туалет, находившийся за кинотеатром «Победа».

1 сентября я встал рано, предстояли две первые пары на факультете физвоспитания и биолого-химическом факультете. К лекциям я был готов, так как тезисно написал их еще месяц назад в Новой Усмани. Однако, было такое чувство, будто я иду на экзамен или к зубному врачу. Это чувство прошло, как только я оказался на пороге аудитории. Ребята такие же, как и в школе, только чуть постарше, и помещение немного больше – на пятьдесят человек, и девушек было мало.

На меня смотрели вполне доброжелательные и чего-то ожидающие глаза. Все встали, я поздоровался и попросил сесть. Сказал несколько слов о себе, подчеркнул, что тоже занимался спортом: футболом, лыжами, гирей. Глаза засветились. Познакомил с планом нашей совместной работы:

– На лекциях вы будете не только слушать, о чем я говорю, но и слышать, что и есть в конечном итоге наш совместный труд. Знакомство с вами будет проходить в процессе нашей общей деятельности, в том числе и на лекциях.

Посоветовал учебные пособия по педагогике, которые в то время были в ходу: курс лекций по педагогике под общей редакцией Г.И. Щукиной и учебник И.Т. Огородникова.

– Тема первой лекции: «Предмет, методы исследования и задачи педагогики». Что же такое педагогика? Происходит от грече-

ского слова *paidagogike* (*paida* – дети, *gogike* – вести), т.е. детоводительство, иными словами, воспитание детей. А кто скажет, что такое воспитание?

Студенты призадумались, затем стали наперебой отвечать. Наконец, вместе пришли к выводу, что воспитание – это организация деятельности, направленная на формирование положительных качеств личности. Нет деятельности – нет воспитания. Так мы работали целых два часа, и я пришел к выводу, что студенты этого факультета должны все время находиться в интеллектуальном напряжении, иначе им станет скучно, и они займутся другими делами.

Один из студентов, Евгений Сахаренков (кстати, футболист) в конце лекции высказался:

– Прямо, как на тренировке, весь в поту!

– Мне тоже не холодно, – засмеялся я.

Вторая пара – на биолого-химическом факультете. Здесь из пятидесяти человек сорок пять – девушки, так что головы ребят лишь изредка просматриваются. Этих студентов в таком умственном напряжении можно было уже не держать. Они чинно сидели и записывали все, о чем я с ними говорил. Удивил их тем, что не читал по конспекту, а рассказывал, иногда проходя по рядам и наблюдая за работой, что, видимо, было школьной привычкой. Однако в конце лекции стал задавать вопросы, чтобы утвердиться в правильности понимания услышанного на лекции.

После занятий зашел на кафедру, поговорил с Ильей Иосифовичем о впечатлениях первого дня занятий и отправился к семье. Был полдень, и мне казалось странным, что я уже свободен, так как будучи директором школы, был на работе минимум до 18 часов, а теперь же я возвратился в общежитие вместе с сыном. Так потекли день за днем. Вечером гуляли всей семьей по центральным улицам Белгорода, который удивлял нас обилием яблок, продававшихся на каждом углу по 15 копеек за килограмм.

Для семинарских занятий сначала надо начитать лекции, которые проходили два раза в неделю, поэтому в течение целого месяца у меня оказалось много свободного времени. Можно было за-

ниматься научной работой, что я и стал делать, часто посещая библиотеку и кабинет педагогики. Научная работа ориентировала на повышение качества знаний студентов и школьную тематику, скорее, это была научно-методическая работа. Никаких грантов и договорных тем тогда не существовало, да и проректор совмещал должность учебную с научной. Отсутствовал свой редакционно-издательский совет, он был при Курском педагогическом институте и утверждал наш план выпуска научно-методической литературы на год. Печатались учебно-методические сборники в Белгородской областной типографии им. В.И. Ленина или на ротапринтере в Областном управлении статистики. В научном плане тогда особенно никто не напрягал, поэтому по публикациям за 1969 год я оказался на кафедре одним из передовых – шесть печатных работ, в том числе в Материалах научно-методической конференции по итогам 1968 года, сборники которых публиковались ежегодно по специальностям. Я выступил с темой: «К постановке проблемы о роли личности школьника в процессе воспитания». Уже в январе 1970 года Ученым Советом Белгородского пединститута был избран на должность доцента, а в 1971 году мне было присвоено ученое звание доцента по кафедре педагогики и психологии.

В октябре 1968 года приступил к семинарским занятиям, которые старался проводить дискуссионно. Аудиторий не всегда хватало. Помню, однажды раздумывать не стал и провел семинар со студентами факультета физвоспитания на строительных бревнах. В другой раз группе поставили семинар в кабинет биологии. Еще не начались занятия, а скелет человека оказался с папиросой в челюсти, один из студентов пытался поймать рыбку из аквариума, а другой жевал протравленные для посадки семена.

– Ну что же, – сказал я, – накурились, наелись, будем приступать к работе.

Студентов этого факультета отличала непосредственность, что-то идущее из детства, а еще уважительность, готовность выполнить любое поручение. Меня они понимали с полуслова. Уже через две недели после начала занятий студенты вручили мне приглашение на футбол: играли на первенство РСФСР с ко-

мандой из Орла. Стадион был на том же месте, что и сейчас, заполнен до отказа. Решался вопрос о первом месте в группе. Белгородцы выиграли и, став победителями, завоевали право играть в классе «А» на следующий год. Всем футболистам, в том числе студентам пединститута, было присвоено почетное звание «Мастер спорта», их портреты были напечатаны в «Белгородской правде».

В скором времени организовалась группа болельщиков команды «Энергия» (так называлась нынешняя команда «Салют», т.к. ее спонсором выступал завод «Энергомаш» – крупнейшее предприятие не только области, но и всего Черноземья, на нем работало свыше 11 тысяч человек). В состав болельщиков, кроме меня, вошли: декан физико-математического факультета Юрий Константинович Василенко, заведующий кафедрой общей физики Эдвин Гарриевич Петцольд, старший преподаватель Анатолий Михайлович Гордеев. Часто присоединялся к нам старший преподаватель кафедры общей физики Павел Павлович Борзилов. Мы посещали почти все игры нашей команды, а так как шли на стадион сразу после работы, то покупали там пирожки с так называемым мясом и повидлом. Садились мы всегда напротив центральной трибуны, где-то сбоку, чтобы никто не мешал и «болели». Наши футболисты знали, где мы сидим и часто приветствовали нас.

Я и сейчас «болею» за команду «Салют», которая играет на первенство России в футбольной национальной лиге, хотя, скорее всего, только за честь города Белгорода. Однако, это уже не то. Игроки, как и по всей стране, просто нанимаются на работу, причем выбирают тот город и ту команду, где больше платят. Никаких патриотических чувств нет, то есть и здесь коммерциализация.

Как-то после семинарских занятий на биолого-химическом факультете в октябре 1968 года зашла студентка Наташа и попросила быть посаженным отцом на ее свадьбе с Владимиром Колпиным. Такой обряд мне был неизвестен, но отказаться я не мог, хотя и не знал, в чем будет состоять моя роль. Однако, со своими обязанностями справился успешно. Появилась новая семья – Колпины. Я и сейчас изредка перезваниваюсь с ними. Дочь Колпиных – доцент кафедры социальных технологий НИИ БелГУ. Сам Владимир

Колпин – талантливый лектор. С ним я довольно часто встречался, когда был председателем городской организации общества «Знание», его всегда ждала полная аудитория.

Рядом с общежитием по ул. Коммунистической располагался областной институт усовершенствования учителей. Мимо него я никак не мог пройти, тем более, что в Воронеже часто был посетителем аналогичного учреждения, да и его работники часто бывали в Новоусманской средней школе. Я зашел в кабинет директора ИУУ, представился. Из-за стола встал крупный мужчина с добрым, улыбающимся лицом. Это был Александр Алексеевич Руденко, заслуженный учитель школы РСФСР.

– Мы Вас очень ждем, на днях начинаются курсы повышения квалификации директоров школ, Вам и карты в руки, – засмеялся Александр Алексеевич, – лучшей кандидатуры не сыскать.

Действительно, через несколько дней начали работу такие курсы. Я с директорами сельских средних школ проработал целую неделю, чувствовал себя, как рыба в воде, понимали мы друг друга с полуслова. Передо мной сидели заинтересованные люди, пытливые умы, родные, близкие по духу люди. Я не только прочитал им лекции школоведческого плана, но и дал целый ряд советов по организации научно-методической работы, исходя из своего опыта директора школы. Вскоре я стал в институте усовершенствования учителей «своим человеком», чувствовал себя там, как дома.

В ноябре 1968 года к нам из Воронежа приехал мой отец, Вячеслав Алексеевич. Я встречал его на вокзале.

– Вот решил посмотреть, как вы живете, а заодно познакомиться с ректором и встретиться с Сергеем Николаевичем Соколовым, – так объяснил отец свой приезд.

С С.Н. Соколовым он был хорошо знаком, тот работал в Воронеже с 1938-го по 1951-ый год, одно время заведовал отделом науки и учебных заведений обкома партии. В 1956 году был направлен на работу директором Старооскольского учительского института (г. Старый Оскол тогда входил в состав Воронежской области). В течение десяти лет он руководил Старооскольским, а за-

тем Белгородским пединститутами. На момент приезда отца С.Н. Соколов работал заведующим кафедрой русского языка и литературы Белгородского пединститута, а мой отец заведовал кафедрой русской и зарубежной литературы Воронежского пединститута, так что им было о чем поговорить. После дружеской встречи Сергей Николаевич познакомил отца с ректором Дмитрием Михайловичем Забродиным. За чашкой чая у них состоялась длительная беседа. Естественно, был затронут и квартирный вопрос, который касался меня. В конце разговора Дмитрий Михайлович попросил, чтобы отец встретился с коллективом факультета русского языка и литературы:

– Пусть увидят и услышат профессора, доктора филологических наук, пока, к сожалению, у нас таковых нет, – закончил он.

Приближался новый, 1969 год. Как-то, в декабре, меня пригласил к себе ректор.

– Сдаются два пятиэтажных дома по ул. Некрасова, и облисполком выделяет нам девять квартир. К сожалению, четырехкомнатных только две, остальные двухкомнатные. Четырехкомнатные решили дать декану биолого-химического факультета А.А. Хижняку и зав. кафедрой политической экономии А.Г. Ковалеву. В марте 1969 года сдается следующий дом, там Вы получите трех- или четырехкомнатную квартиру, только надо немного подождать.

– Нет, – ответил я, – ждать мы не станем, уж очень тяжело с двумя детьми в одной комнате общежития.

– Ну что ж, пусть будет по-вашему, можете брать ордер на двухкомнатную квартиру, ул. Некрасова, дом 32, квартира 35, второй этаж, – подвел итог нашему разговору ректор.

С этой вестью я прибежал в общежитие, и уже через два дня студенты факультета физического воспитания активно грузили наши вещи на грузовую машину. Подъехали к подъезду, и самый высокий студент, Вернигоренко, подхватил дочку Алену и внес в новую квартиру. Мы с ним как-то вспоминали этот день, сейчас он – преподаватель Белгородского университета кооперации, экономики и права. Наконец-то мы получили благоустроенную квартиру, о ко-

торой мечтали целых двенадцать лет! Новый, 1969 год встречаем на новом месте!

Выше нас, на третьем этаже, поселилась доцент кафедры анатомии и физиологии человека Евгения Васильевна Хохрякова, участник Великой Отечественной войны. Вместе с ней – мать и сын. Она и сейчас живет в этой квартире, т. е. уже почти сорок пять лет!

В двадцатых числах декабря 1968 года Дмитрий Михайлович Забродин собрал коллектив вуза в аудитории 322 (самой большой по тем временам) и сказал, что Министерство просвещения РСФСР сочло необходимым перевести его в Москву на должность начальника Главного управления вузов (ГУВУЗ). Поэтому он с нами прощается и покидает.

– Ректорат Белгородского пединститута, – продолжил Д.М. Забродин, – рекомендовал партийным органам и Министерству просвещения РСФСР на должность ректора Глухова Николая Даниловича, проректора по учебной и научной работе. Они с нами согласились, осталось дело за приказом.

В те годы ректоры не избирались, а назначались Министерством просвещения РСФСР по согласованию с обкомом партии. Последним ректором, который прибыл к нам по приказу, без выборов, был Лев Николаевич Шапошников, но это было уже в 1986 году.

С января 1969 года мы работали с новым ректором – Николаем Даниловичем Глуховым, 1922 года рождения, участником Великой Отечественной войны, доцентом, кандидатом физико-математических наук. Это был действительно интеллигентный человек, всегда приятный в общении, никогда не повышающий голос, работать рядом с ним было легко. Проректором по учебной работе назначили доцента кафедры истории партии, участника Великой Отечественной войны Сергея Ивановича Васильцова. Добрый по своей сути он мог «взорваться» по совсем незначительному поводу – настоящий холерик.

С 1969 года ввели должность проректора по научной работе. Им стал доцент кафедры политэкономии Евгений Иванович Лукашенко, прямая противоположность Васильцову. Всегда спокойный,

тактичный, эрудированный, он пользовался уважением среди преподавателей и студентов.

Проректором по заочному обучению я успел застать Влазнева Василия Алексеевича, участника гражданской войны. В то время ему было около 70 лет и мне он казался глубоким стариком. С 1944 года он работал во вновь открывшемся Старооскольском учительском институте, с 1957 года – заместителем директора, а затем проректором по заочному обучению. Это был очень вежливый и добродушный человек. У него была потрепанная тетрадь, в которую он карандашиком записывал принятых студентов-заочников. Если кого-то отчисляли, он резинкой вытирал эту фамилию. Если же студент приходил и каялся, давал слово, что впредь будет учиться, то Василий Алексеевич его благожелательно стыдил и вновь вписывал в свой журнал.

В 1969 году на общем собрании преподавателей нам представили нового проректора по заочному обучению – В.Т. Хворостяную, прибывшую к нам откуда-то из руководящих областных структур. Таким образом, 1969 год мы встретили с новым ректором и проректорами.

Второго января я был уже на работе, раньше не было таких длинных каникул, как сейчас. Каникулы были у школьников, и к ним приурочили сессию студентов-заочников. В то время фактически все из них работали учителями и только в редких случаях в других сферах. В настоящее же время, наоборот, среди заочников педагогических специальностей редко встретишь учителя. Спрашиваешь, зачем Вы, работая продавцом, барменом, строителем решили учиться в нашем вузе? Отвечают – просто для престижа нужен диплом.

В то время мне было легко работать с заочниками, так как они не для диплома, а для своей работы в школе познавали педагогику. Теоретических знаний у них явно не хватало.

Приближалась и сессия стационара. У меня в этот период были только зачеты, а экзамены – весной. На биолого-химическом факультете целому ряду студентов зачеты ставились, как говорят,

«автоматом» за их активную работу на семинарских и практических занятиях. На факультете физвоспитания такие «автоматы» не получались, так как многие пропускали занятия из-за спортивных соревнований. Поэтому им пришлось подучивать материал пропущенных семинаров, представлять конспекты рекомендованной литературы. «Автомат» был только один, у Ивана Бойченко, который выступал на каждом семинаре, задавал многочисленные вопросы, хотя и не всегда по существу. Просто молча он не мог усидеть на месте. С ним я часто встречался на протяжении многих лет, сейчас он уже более десяти лет глава администрации Яковлевского района.

На своей кафедре я бывал довольно часто и легко вписался в этот небольшой коллектив. Илья Иосифович Августевич умело руководил коллегами, ему помогали уже немолодые лаборанты – Матрена Матвеевна, Мария Федоровна и Вера Михайловна.

Мною была прочитана открытая лекция на биолого-химическом факультете «Сущность воспитания и его принципы», в которой я пытался изложить и свою авторскую позицию, нашедшую отражение в моей кандидатской диссертации. После лекции состоялось ее обсуждение, в котором приняли участие все члены кафедры. Доцент А.И. Горбунова, отметив положительные стороны лекции, в то же время выразила мнение, что студентам следует давать только тот материал, который изложен в учебнике, то есть устоявшийся и всеми признанный. Однако она оказалась в гордом одиночестве, так как все остальные поддержали мой подход в изложении, потому что это дает студентам пищу для размышлений, доцент Нина Евстафьевна даже сказала мне «спасибо» за лекцию.

Как-то в феврале 1969 года я только подошел к кафедре, а меня уже поджидала лаборант: «Звонила Надежда Васильевна Бардыкова, секретарь ректора, и просила передать, что ректор срочно Вас вызывает». Пошел к ректору, в приемной меня любезно встретила Надежда Васильевна, строгий страж кабинета и без всяких вопросов открыла дверь к Николаю Даниловичу. Ректор, встав из-за стола, поздоровался и пригласил присесть.

– Я посоветовался с проректорами и прошу Вас в этом году быть ответственным секретарем приемной комиссии. Вы человек

новый, в городе Вас еще знают мало, и поэтому просителей будет меньше.

– Ну что ж, спасибо за доверие, если надо, значит, буду работать, – ответил я.

– Прежде всего, следует подготовиться ко Дню открытых дверей, который проведем на весенних школьных каникулах, об этом переговорим с деканами. Обо всем остальном спросите Ивана Павловича Прокопьева, он был ответственным секретарем в прошлом году.

Постепенно я стал осваиваться не только со своими факультетами, но и со всеми другими: русского языка и литературы (декан Оводенко Владимир Петрович), физико-математическим (декан Василенко Юрий Константинович), иностранных языков (декан Коняева Лидия Ивановна). Вместе с ректором и деканами провел День открытых дверей, подготовил приказ об экзаменационных комиссиях, определил секретарей, которые должны осуществлять прием документов абитуриентов, как на стационар, так и на заочное обучение. Тогда никакого платного обучения не было, поэтому и внебюджетных средств фактически не существовало, разве только за счет нескольких хоздоговорных тем. Министерство определяло количество бюджетных мест, которому мы должны были строго следовать при зачислении. Приемная комиссия находилась в том же помещении, что и сейчас, на первом этаже пединститута.

При зачислении произошел только один сбой. На биолого-химический факультет поступали две абитуриентки с одинаковыми фамилиями и именами. Ту абитуриентку, которая набрала меньше баллов, зачислили, а кто больше – нет. Разразился скандал, в котором приняли участие родители двух сторон и ревущие абитуриентки. Доложил ректору, который позвонил в Москву Дмитрию Михайловичу Забродину, и тот своей телеграммой увеличил количество мест на одну единицу. Инцидент был исчерпан.

И еще. В ходе приемных экзаменов ко мне в кабинет зашел мужчина «кавказской национальности» и стал просить за свою дочь, протягивая мне связку сухих лещей. Я закричал, схватился за

телефон, чтобы вызвать милицию – налицо взятка. Проситель бросил своих лещей и убежал. Я тоже побежал, но к ректору. Дорогу преградила секретарь Надежда Васильевна:

– По какому вопросу? Николай Данилович очень занят.

– У матросов нет вопросов, – ответил я и влетел в кабинет. Действительно, ректор, склонившись над столом, что-то писал.

– Слушай, Евгений Вячеславович, как ты считаешь, как сегодня наша футбольная команда сыграет в Курске? – спросил он меня. – Я вот подсчитываю очки.

– Проиграет, – ответил я, едва переведя дух. Объяснил ему ситуацию и спросил, куда девать этих лещей.

– А где они?

– У меня на столе.

– Неси сюда, у меня пиво холодное, – засмеялся Николай Данилович. Уходя, я извинился перед Надеждой Васильевной, которая во время войны служила старшим краснофлотцем на Балтике. И не просто служила, но и отважно воевала, чему свидетельство несколько боевых правительственных наград.

2-го августа 1969 года Аттестационная конкурсная комиссия подвела итоги. В среднем конкурс составил 3 человека на место: на факультет иностранных языков – 5, на факультет физвоспитания – 4, на факультет русского языка и литературы – 2,8, на биолого-химический – 2,5, на физико-математический – 2. Состоялись конкурсные экзамены и на заочное обучение, где конкурс составил 2 человека на место.

Николай Данилович Глухов поблагодарил конкурсную комиссию, экзаменаторов и технических секретарей за добросовестный труд на этом сложном и кропотливом поприще.

В «Учительской газете» от 26 июля 1969 года появилась статья «К дебюту надо готовить», написанная И.И. Августевичем и мной. В ней мы обосновывали важность подготовки будущего учителя к воспитательной работе в школе и знакомили с системой этой работы в Белгородском пединституте. Для II-го курса всех факультетов стала обязательной непрерывная педагогическая практика. Студенты на весь учебный год закреплялись за классом. Все свои

дела они фиксировали в дневнике, их деятельность отражалась в специальных контрольных книжках студента-практиканта. По итогам своей работы за год студенты получали зачет. На III-ем курсе подготовка будущего учителя к воспитанию продолжалась, но в иной форме. В пятом семестре на всех факультетах проводился практикум по методике воспитательной работы.

На практикуме студенты изучали вопросы планирования воспитательной работы классного руководителя, методику индивидуального воспитания учащихся, методику проведения внеклассных мероприятий. Каждый студент разрабатывал одно-два из них и участвовал в подготовке и проведении. Дальнейшее закрепление методических знаний и практических умений проходило на практике по учебно-воспитательной работе в школе.

После публикации данной статьи из многих пединституты нашей страны стали приходить письма с просьбами принять преподавателей кафедры педагогики для изучения нашего опыта.

А тем временем лето двигалось к закату, отпуска фактически не было, но мне не привыкать, я им мало пользовался, будучи директором школы. В то же время находил время после работы гулять с дочкой Аленой во дворе нашего дома, в этом плане немного помогал детский велосипед. Рядом с нами жила одинокая пенсионерка Мария Петровна Боброва, бывший библиотекарь, поэтому можно было оставлять дочку с ней. Моя жена Ольга Николаевна хотела выйти на работу, да и моя нынешняя зарплата была меньше, чем у директора школы. Однако, устроиться в школу учителем истории не представлялось возможным, хотя меня уже хорошо знали и в гороно, и в облоно, особенно после того, как я побывал ответственным секретарем приемной комиссии.

– Потерпите, будем думать, – вежливо ответил на мою просьбу о трудоустройстве жены Иван Стефанович Соловецкий, заместитель заведующего облоно, который еще недавно руководил городским отделом образования. Впоследствии Иван Стефанович возглавил областной отдел образования и руководил им многие годы. Он и сейчас в строю – возглавляет областной Союз пенсионеров.

Иван Стефанович предложил мне вести педагогику в вечернее время на одногодичных курсах по подготовке учителей физкультуры для восьмилетних школ. Тогда была острая нехватка учителей этого профиля, особенно в сельской местности. Кстати, и сейчас она есть, так как многие, получив диплом, уходят в другие структуры. Я тогда согласился, тем более, что эти курсы проходили в средней школе № 27, на ул. Некрасова, недалеко от нашего дома.

В коридоре школы у расписания я встретил мужчину лет пятидесяти с наградными колодками. Познакомились:

– Будниченко Александр Семенович, доктор биологических наук, зав. кафедрой зоологии, только что прибыл в пединститут, – отрекомендовался он.

Курсы назывались одиннадцатым классом, в основном там были ребята, демобилизованные из армии, девушек было мало. Они знали, зачем пришли, и мотивация помогала им учиться. Я читал им педагогику, в основном, по тем же программам, что и студентам на втором курсе, проводил семинарско-практические занятия на протяжении всего учебного года. Многих из них я потом встретил среди учителей, которые занимались на заочном отделении факультета физвоспитания, а Юрий Витальевич Коренько стал известным журналистом «Белгородской правды», заслуженным работником культуры РФ.

Глава 2. ВХОЖДЕНИЕ В ПРОРЕКТОРСКИЙ КОРПУС

В конце февраля 1970 года меня пригласил к себе ректор.

– Вы вышли из школы, чувствуете учителя, знаете его. Как организатора мы Вас уже видели в роли ответственного секретаря приемной комиссии, поэтому хотели бы увидеть в должности проректора по заочному обучению.

– А Хворостяная? Она ведь только год работает у нас? – спросил я.

– Хворостяная написала заявление об уходе, – ответил Николай Данилович.

– А как же кафедра педагогики?

– Никуда она от Вас не денется, я говорил с Ильей Иосифовичем, он, конечно, не в восторге, но Вы ведь останетесь штатным заместителем на 0,5 ставки, – заключил ректор.

– Ну что ж, я согласен.

– Вот и хорошо, будем вместе работать, в обкоме партии тоже согласны.

Дома я сообщил новость жене.

– Тебе было скучно, чего-то не хватало, теперь будет весело, – резюмировала она.

В советское время проректоры назначались приказом министра просвещения РСФСР, а потом утверждались на бюро обкома партии. Сейчас ректор сам назначает проректоров своим приказом без всякого согласования с Министерством.

На следующий день я уже ехал в поезде «Белгород – Москва», перечитывая сборник приказов и инструкций по высшей школе. В Министерстве просвещения я сначала встретился с заместителем начальника главка по заочному обучению, потом отправился на прием к начальнику Главного управления высших учебных заведений Дмитрию Михайловичу Забродину. Он встретил меня очень

тепло, как своего земляка, стал расспрашивать о Белгородском пединституте. Нажал кнопку, и нам принесли чай с печеньем. Потом он спустился со мной этажом ниже на собеседование с заместителем министра Н.В. Александровым. Он тоже стал интересоваться нашим пединститутом, кадрами, самим городом Белгородом.

– А я знаком с Вашим отцом, – сказал он в конце беседы, – Вячеслав Алексеевич у нас член учебно-методической комиссии.

Пожелал мне успехов в работе и сказал, чтобы я подождал в отделе кадров, пока на меня сделают приказ. Получив приказ, я решил навестить родственников в Подмоскowie – час езды на электричке. Меня тепло встретили сестра моей жены Валентина и её муж Александр Иванович, заместитель начальника военного госпиталя.

Вспомнили 1964 год, в то время мы жили в поселке Рамонь Воронежской области. Как-то летом к нам заехал молодой человек, высокий, худощавый, оказалось, жених Валентины, которая тогда вместе с моей женой Ольгой работала в Рамонской средней школе. Меня попросили, чтобы я посодействовал регистрации их брака, так как через несколько дней они должны были уезжать по месту работы Саши (после окончания Ленинградского педиатрического института) и ждать целый месяц не могли. Купили стеклянные фужеры, бутылку «Шампанского» и отправились в ЗАГС, которым руководил бывший заведующий общим отделом Березовского райисполкома Старцев (а я до недавнего времени был там заведующим районо). Объяснил причину нашего появления.

– Ну что ж, пойдем навстречу, – сказал Старцев и заполнил бланк регистрации брака.

Гребенникова Валентина Николаевна сразу стала Щукиной. Тут же распили «Шампанское» и без музыки Мендельсона и сирен автомобилей пешком отправились на квартиру. К нашему приходу моя теща Мария Федоровна сварила молодой картошки, вынула из банки малосольные огурцы – что может быть вкуснее! Сосед – учитель биологии Рамонской средней школы Николай Васильевич Буйленко принес бутылку портвейна. Свадьба состоялась!

В 2014 году Щукины будут отмечать 50-летие своего бракосочетания. Александр Иванович – доктор медицинских наук, профес-

сор, полковник медицинской службы в отставке, работает в одной из московских клиник, а Валя, Валентина Николаевна, уже давно на пенсии, занимается своей дачей, а по выходным ждет в гости детей и внуков.

Переночевав у Щукиных, я поехал в Москву, а оттуда – в Белгород.

С 4 марта 1970 года я приступил к обязанностям проректора по заочному обучению. Заочное отделение размещалось на первом этаже и состояло из двух маленьких комнат: приемной, где работали секретарь и методист, и кабинета. Прежде всего, я взялся за делопроизводство, так как оно было в крайне запущенном состоянии. Надо было поднимать приказы и устанавливать подлинное количество студентов-заочников по факультетам, потому что многие из них ходили на занятия, даже не зная, отчислены они или нет. Эту работу я проводил вместе с методистом Таисией Николаевной Ивановой и деканами, а затем стал изучать состав обучаемых студентов. Многие из них работали в малокомплектных сельских школах, как средних, так и восьмилетних.

На первый взгляд, кажется, что подготовка будущих учителей к работе в школе должна быть единой. Естественно, специальные знания, в том числе и психолого-педагогические, формируют систему, которая, в конечном итоге, приводит к получению педагогического образования по соответствующей специальности. Однако, специфические условия педагогической работы вносят свои коррективы. И среди них, прежде всего, малая наполняемость классов, характерная для многих сельских школ. С этим я столкнулся сам, работая в малокомплектной сельской школе. На первый взгляд, может показаться, что трудности в работе учителя появляются там, где классы перегружены учащимися сверх всякой меры, и снижение численности облегчает его труд. Наблюдения и специальное изучение этого вопроса показывают, что сказанное верно только до определенного уровня.

Наиболее комфортные условия педагогической работы складываются там, где численность учащихся в классе 15–20 человек. Об этом говорил и А.С. Макаренко. Снижение этой численности

ниже 10 порождает специфические трудности, которые особенно значительны, когда в классе 5–6 школьников. Как я убедился в своей практике, в классах с низкой наполняемостью на учащихся ложится большая психологическая нагрузка, так как при обычной методике школьник на каждом уроке вынужден часто вступать в прямой контакт с учителем, что приводит, в конечном итоге, к умственной утомляемости и невосприимчивости.

Как ни парадоксально, но учащиеся таких школ не отличаются более качественной подготовкой, хотя контроль за ходом их обучения более, чем достаточный. Массовость такого явления характерна и для нашей области, где в настоящее время до трех четвертей всех сельских школ малокомплектные. Поэтому при решении задач подготовки современного учителя мы должны учитывать особенности обучения в сельских школах. Причем это относится не только к заочникам, но и к стационару, то есть нужна вариативная методика.

Свои суждения я изложил на семинаре педагогов, психологов и методистов всех специальностей. В этом плане меня поддержали заведующий кафедрой педагогики и психологии И.И. Августевич и методист-физик, доцент С.А. Хорошавин. Позже, в несколько расширенном виде (до 1 п.л.) мною совместно с И.И. Августевичем была написана статья «Подготовка педагогических кадров к работе в малокомплектной школе».

Накануне назначения меня проректором, 18 февраля 1970 года я, как представитель Белгородского пединститута, впервые отправился на Всероссийскую межвузовскую конференцию «Методы нравственного воспитания школьников», которая проходила на базе Вологодского пединститута. В те годы в педагогической литературе шла острая дискуссия о классификации методов воспитания. На конференции я выступил с докладом «К вопросу о классификации методов воспитания», в котором изложил свою позицию по этому вопросу².

² К вопросу о классификации методов воспитания // Вопросы методики нравственного воспитания школьников. – Вологда, 1971. – С. 130-132.

В «Педагогике» под ред. Г.И. Щукиной³ утверждалось, что надо классифицировать методы воспитания на «основные и вспомогательные». По-моему мнению, в процессе воспитания определенные методы применяются в различных сочетаниях, это зависит от многих факторов и, прежде всего, от той конкретной цели, которую мы ставим в воспитательной работе. Поэтому применение «уединенных» средств или методов, пусть даже самых «основных» может не принести желаемого результата и, наоборот, «вспомогательный» метод вкупе с другими может оказаться эффективным.

На основе опытной работы в целом ряде школ мы пришли к выводу, что к проблеме классификации методов следует подходить в несколько ином плане, а именно: не дискутировать и не доказывать, какой из методов наилучший или основной, а сосредоточить внимание на более глубоком и детальном изучении того или иного метода, на их взаимосвязи и взаимозависимости. Ведь не секрет, что подчас главное заключается даже не в самом методе, а в его инструментровке, оказывающей непосредственное влияние на активное отношение школьников к предложенной деятельности и на формирование нравственных мотивов.

По нашему мнению, самое главное – выявить потенциальные возможности методов воспитания во всем их разнообразии и сочетаниях. Изучать – это не значит заниматься описанием методов. Важнее всего раскрыть эффективность каждого из них и сопоставить результаты различных методов при решении одной и той же задачи. Воспитатель, исходя из цели, которую он ставит перед личностью или коллективом, сам решает вопрос, как воздействовать, какое применять сочетание методов, имеющихся у него на вооружении, в зависимости от многих факторов и условий, особенностей данной ситуации. Вот где пригодится выделение вариантов каждого метода.

По моему докладу разразилась острая дискуссия. В конечном итоге меня поддержали в своих выступлениях тогда уже достаточно известные педагоги и психологи: А.В. Зосимовский, Л.И. Рувин-

³ Педагогика / Курс лекций под ред. Г.И. Щукиной. – М., 1967.

ский, Н.И. Монахов, А.И. Кочетов, П.Е. Равкин. Но главное заключалось в том, что на меня обратили внимание в психолого-педагогической среде, состоялось межличностное общение. На этой конференции я познакомился с Леонидом Изотовичем Рувинским, который выступал с докладом «Проблемы управления нравственным воспитанием» и посоветовал мне взять эту тему на вооружение, как наиболее актуальную и неразработанную.

Наша дружба с Леонидом Изотовичем продолжалась тридцать с лишним лет. Мы вместе с ним проводили научные конференции, готовили материалы сборников. Он неоднократно приезжал в Белгород вместе с сотрудниками своей лаборатории при МГУ, бывал у нас дома, а я у него в Москве. Меня, как своего, приветливо встречали его мать, супруга, дочка Надя, ровесница нашей Лены. Мы всей семьей были у них в гостях, гуляли в парке недалеко от Университета дружбы народов, на проспекте Вернадского, где они жили.

Как-то мы с ректором Н.Д. Глуховым ездили вместе в командировку в Москву. После совещания в Министерстве просвещения РСФСР, а оно затянулось надолго, ректор остался в гостинице, а я поехал переночевать к своему двоюродному брату. Обратные билеты был при мне, с Николаем Даниловичем договорились встретиться вечером следующего дня уже на перроне, перед отходом поезда. Брат жил в доме рядом с автобусной остановкой «Лосиноостровская». Выйдя из метро на станции ВДНХ, я достал записную книжку, чтобы уточнить номер автобуса. Поужинав с братом и его семьей, решил проверить наличие железнодорожных билетов, но нигде их не обнаружил. Лег спать, но было не до сна, стал анализировать, где я мог их потерять.

Рано утром сел на автобус и отправился к ВДНХ, где я вынимал из кармана записную книжку. Была осень, моросил дождь. Мои билеты плавали в луже у остановки. Я облегченно вздохнул, вспомнил Бога, хотя в него и не верил, и отправился опять к брату. Там я немного отмыл-отчистил билеты от грязи и высушил их утюгом. Когда мы с ректором подошли к вагону, проводница их долго и пристально рассматривала, а потом изрекла: «Видать, хорошо по-

гуляли», но пропустила нас в вагон. Я рассказал Николаю Даниловичу про историю с билетами, он хохотал до слез.

Меня и в школе, и в вузе мучил вопрос: почему нигде не готовят руководителей школ? Ведь в курсе педагогики на школоведческие темы отводится лишь шесть часов. Приступив к работе директора школы после окончания университета, я плохо представлял себе, чем должен заниматься директор. Прочитал устав школы, выучил обязанности руководителя школы и его заместителей, но вначале руководил просто на интуитивном уровне. Причем в малокомплектной школе, в отличие от обычной средней, директору сложнее работать, так как он выступает во всех лицах: и как директор, и как завуч, и как бухгалтер, и как завхоз. Поделился своими размышлениями с И.И. Августевичем.

– Конечно, ты прав, – сказал Илья Иосифович, – но такова программа.

– А что, если организовать факультатив для наиболее способных к этой деятельности студентов? Я готов разработать программу, будем приглашать специалистов, школьных практиков, директоров школ.

– Поговори с Николаем Даниловичем, ты сейчас к нему ближе, а я поддержу, – заключил И.И. Августевич.

С ректором я поговорил, мою идею он одобрил, но посоветовал согласовать этот вопрос с облоно. Решил идти к заведующему Гайдукову Василию Матвеевичу.

– Слышал, слышал, что в пединституте появился мой земляк. Я ведь перед войной, в 1941 году, закончил Воронежский пединститут и помню Вашего отца, Вячеслава Алексеевича. Получил диплом – и на фронт. После войны был директором средней школы, затем на партийной работе и вот теперь, с 1955 года – заведующий облоно. А сам как попал к нам? – спросил Василий Матвеевич.

– Окончил Воронежский университет, был директором сельских школ, заведовал районо, защитил диссертацию и к Вам, – коротко ответил я.

– Значит, наш, знаешь школьные проблемы и сельского учителя, – заключил В.М. Гайдуков, – а с чем пожаловал?

Я изложил суть дела. Идея подготовки директоров школ его заинтересовала. Он нажал кнопку и попросил секретаря пригласить своего заместителя – Ивана Стефановича Соловецкого. Я раньше уже заходил к нему, и мы встретились, как старые знакомые.

– Вот тоже земляк, – засмеялся Василий Матвеевич, – тоже закончил Воронежский пединститут, только намного позже, так он намного и моложе. Вы с какого года? – спросил он меня.

– Я с 1933.

– Ну а Иван Стефанович с 1931 – почти одногодки. Куда мне, старику, за вами угнаться (В.М. Гайдукову было тогда всего-то 52 года).

Заведующий облоно изложил суть моего предложения.

– Двумя руками «за», – прослушав о подготовке директоров школ, – сказал И.С. Соловецкий.

– Голосования здесь мало, – заметил Василий Матвеевич, – надо помочь Евгению Вячеславовичу с подбором лекторов из числа директоров, на последнюю педпрактику прикрепить к ним студентов. Некоторых из окончивших факультатив по школоведению будем сразу рекомендовать директорами восьмилетних школ, а других зачислять в резерв.

О своем посещении облоно я рассказал И.И. Августевичу и ректору Н.Д. Глухову. Составил программу факультативного курса «Школоведение», рассчитанного на 20 часов, и памятку для студента-практиканта в качестве помощника директора школы. У меня до сих пор сохранился журнал учета занятий по этому курсу. В нем 34 человека с разных факультетов, но, в основном, физико-математического и биолого-химического. Увидел знакомые фамилии студентов, которые затем работали на руководящих должностях: Александр Белогуров, Юрий Куриленко, Александр Базаров, Людмила Шведова (Королева).

Первый день занятий в ауд. 231 открывал заведующий облоно В.М. Гайдуков, я читал целый ряд лекций, например: «Основные проблемы советской школы на современном этапе», «Научная организация труда руководителя школы», «Научная организация труда учителя школы», «Социалистическое соревнование и его осо-

бенности в условиях школы», «Устав средней школы – закон школьной жизни».

По другим темам выступали авторитетные специалисты: «Формы учета и отчетности перед органами народного образования» (Т.Ф. Денисова, зам. начальника областного статуправления); «Правовое положение труда учителя» (А.Н. Бондарев, председатель обкома профсоюза работников просвещения); «Права и обязанности директора школы» (Чаплыгин, директор средней школы № 3); «Права и обязанности зам. директора школы» (П.А. Пузырева, зам. директора средней школы № 9).

Затем состоялась педпрактика при директорах школ, а после этого зачет. Удостоверения о прохождении курса «Школоведение» подписывали ректор пединститута Н.Д. Глухов и заведующий облоно В.М. Гайдуков.

В сентябре 1971 года произошло большое событие – наш провинциальный пединститут посетил министр просвещения РСФСР Л.И. Данилов. Это был интеллигентный и образованный человек, который пользовался большим уважением в педагогической среде (в отличие от современных министров образования). Он не только интересовался нашей материальной базой, но и решил узнать наше мнение о дальнейшем совершенствовании в подготовке педагогических кадров, как у людей прямо «от станка».

В то время по всей стране, как и в Белгородской области, в селах было много малокомплектных восьмилетних и средних школ. Выпускника, получившего образование по одной специальности, не могли в таких школах обеспечить полной нагрузкой, и его приходилось догружать другими предметами. За примером далеко ходить было не надо. Когда мы с женой, два историка, прибыли в 1956 году на работу в Солнце-Дубравскую семилетнюю школу, я все 6 часов истории взял себе, так как был еще и директором школы, а супруга вела 18 часов: немецкий язык, географию, домоводство и пение, то есть что угодно, кроме истории.

Л.И. Данилов собрал проректоров в кабинете ректора. На это совещание был приглашен и заведующий облоно В.М. Гайдуков.

– Не считаете ли вы возможным готовить многопрофильных учителей, увеличив срок обучения студентов до пяти лет? – обратился к нам министр. – Например, русского и немецкого языков, биологии и географии, анатомии и физической культуры.

– Я полностью согласен, – сказал заведующий облоно, – это во многом могло бы закрыть проблему кадрового обеспечения сельских школ.

– Предложение заманчивое, – подхватил ректор, – но все же большая часть выпускников оседает в городах, а не в селах. К тому же, не повредит ли это подготовке по основной специальности?

– А что скажет проректор по заочному обучению? – обратился министр ко мне. – Может, провести такой эксперимент на заочном отделении? Работая у себя в сельской школе, они вряд ли побегут из дома.

– Проблема подготовки кадров не только педагогическая, но и социальная, – ответил я. – Мне самому пришлось работать в малокомплектной школе, и я бы никуда не убежал, хотя человек городской, если бы были соответствующие социально-бытовые условия. Что касается заочного обучения, то учителям-заочникам достаточно освоить хотя бы свою специальность, потому что их знания, даже при нашем старании довольно низкие, по большей части, только удовлетворительные. А вот на стационаре такой эксперимент вполне возможен.

Позднее на факультете русского языка и литературы была введена дополнительная специальность – немецкий язык, а на историческом факультете, который открылся в 1977 году – английский.

Затем на совещании был затронут вопрос о материально-технической базе пединститута.

– Области нужны историки и учителя начальных классов, – сказал В.М. Гайдуков.

– С новыми факультетами немного подождите, – ответил Л.И. Данилов, – вашей базы хватит только на развитие тех факультетов, которые недавно открыты. Я постараюсь найти возможность, чтобы Белгородскому пединституту через год-два Министерство выделило средства на пристройку к основному зданию.

Затем мы тепло распрощались, и министр просвещения Л.И. Данилов отбыл в сопровождении заведующего облоно В.М. Гайдукова.

А у нас продолжалась наша будничная жизнь. Одним из «больных» мест на заочном отделении оставалось прохождение педагогической практики. Студенты, которые работали в школе по своей специальности, предоставляли справку с места работы, соответствующую характеристику и освобождались от практики. Другая, немалая, категория студентов, обязана была ее проходить. Они предоставляли документы из тех школ, которые сами выбирали для педпрактики, и им она засчитывалась, то есть контроля за прохождением не было. Я провел совещание на эту тему с деканами и методистами, и меня все поддержали. Труднее проходил разговор с главным бухгалтером Александрой Михайловной Оболенской, строгой и щепетильной во всем, что касалось денежных средств, знающей свое дело. В нашей беседе участвовал и ректор Н.Д. Глухов.

– Сметой педпрактика для заочников не предусмотрена, – таков был ее ответ.

– А как же нам планировать ее в индивидуальных планах преподавателей? – спросил я.

– Значит, не следует и планировать, у меня на нее денег нет!

Пришлось мне обращаться к начальнику главка Министерства просвещения РСФСР Д.М. Забродину. В телефонном разговоре Дмитрий Михайлович сказал:

– Вы правы, и правильно сказали, что назрел этот вопрос, но и бухгалтер по-своему права. Постараемся внести коррективы в вашу смету, – пообещал он и добавил. – С Александрой Михайловной я работал, она молодец, каждую копейку считает.

Студентам-заочникам мы объявили, что все, кто не работает учителем по специальности, будут проходить педпрактику в школах с участием прикрепленных методистов, в том числе, и по области. Помню, как мы с профессором Александром Семеновичем Будниченко посещали урок биологии студентки-заочницы в сред-

ней школе № 9 г. Белгорода. В коридоре нас приветливо встретила женщина с русыми, но уже с проседью косами вокруг головы и пронзительно голубыми глазами.

– Ольга Пантелеевна Гайдукова, – представилась она, – директор школы.

Она пригласила нас в свой кабинет. Это была супруга заведующего облоно, заслуженный учитель школы РСФСР и кавалер ордена Ленина.

– Вы не станете возражать, если я тоже побуду на уроке, я ведь биолог-химик? – спросила она.

– Будем только рады, – ответил я.

То, что мы такое внимание уделяем педпрактике, сразу стало достоянием всех студентов-заочников, убедило их в том, что педпрактика – одна из важных форм подготовки к учительской деятельности. Вместе с тем, я придерживался того мнения, что необходимо более рационально подходить к комплектованию заочных отделений.

С одной стороны, безо всяких оговорок и примечаний зачислять тех, кто связан с народным образованием, но не в должности секретарей-машинисток или делопроизводителей, а с другой стороны, делать жесткий отбор среди неработающих в школе. Тогда и не понадобится педпрактика для студентов-заочников. Именно этим руководствовалось Министерство просвещения РСФСР не включая в смету средств на их руководство. Звание учителя школы присваивается тем, кто в ней работает, а не экономисту автобазы, работнику общепита или бармену. Прошло много лет, но и сейчас, правда, на платной основе, принимают всех, кто пожелает получить диплом, иначе нечем пополнять бюджет вуза. Государство с каждым годом урезает бюджетные места, фактически делая обучение в высших учебных заведениях платным.

Как-то зашел в кабинет улыбающийся человек моих лет и протянул зачетную книжку с «хвостовкой». Отрекомендовался – главный инженер областной типографии им. В.И. Ленина. Очень нужный нам человек, так как никакой своей печатной базы у нас тогда не было.

– Мне нужно сдать педагогику, я студент-заочник третьего курса, факультета русского языка и литературы.

– Педагогику читали? – спросил я.

– Просматривал.

Я задал ему несколько основополагающих вопросов по курсу педагогики.

– Извините, я лучше приду в другой раз, – смущенно сказал отвечающий, вытирая пот со лба.

Так у нас состоялось первое знакомство. Дней через десять он вновь постучал в дверь кабинета. Отвечал осознанно, было приятно слушать. В скором времени Виктор Васильевич стал директором типографии, мы с ним подружились и часто, смеясь, вспоминали нашу первую встречу.

В педагогическом институте, который готовил только учителей, педагогика считалась одной из важнейших дисциплин и в ранге предметов шла следом за историей партии. Она читалась на всех факультетах, сопровождалась сдачей курсовых экзаменов и государственных экзаменов. В зависимости от факультетов и форм обучения, я старался менять методику проведения курсовых экзаменов. На стационаре обычно была форма контроля по билетам. На биолого-химическом факультете студенты показывали высокие знания предмета, в ведомостях стояли только отличные и хорошие оценки. На факультете физического воспитания в зачетках фигурировали, в основном, хорошие и удовлетворительные, срывов было мало, хотя многие студенты часто пропускали занятия из-за спортивных соревнований различного ранга, от областных до всесоюзных.

На заочном отделении было сложнее, особенно с теми, кто не имел отношения к народному образованию. Студенты писали к экзаменам шпаргалки и пытались по ним отвечать. Помню, один студент даже на листочке составил план: где и в каком кармане брюк, пиджака находится ответ на тот или иной билет, а одна девушка, придя в длинной юбке, на ногах выше колен заранее написала чернильным карандашом основные методы воспитания и обучения.

Был случай, когда в очень жаркий день заочник, майор милиции, пришел на экзамен в мундире и с кобурой на поясе. Несколько раз он пытался ее расстегнуть.

– Вы что, в меня стрелять собираетесь? – спросил я.

– Да нет, что Вы, извините, – ответил покрасневший майор, – это мне девчонки в кобуру шпаргалки засунули, а я не знаю, как с ними разобраться!

Поэтому студенты-заочники у меня получали билеты, и с ними сразу, без всякой подготовки, велась беседа. Кстати, я считал и считаю, что курс педагогики должен читаться не только для студентов учительских специальностей, но и во всех вузах, так как педагогика – это наука не только о воспитании детей, но и взрослых. Ведь существует инженерная педагогика, военная педагогика и другие.

В марте 1971 года на имя ректора пединститута Н.Д. Глухова поступило письмо с просьбой командировать меня в МГУ им. М.В. Ломоносова на симпозиум по проблеме управления процессом воспитания, проходивший в рамках Ломоносовских чтений. Письмо было подписано председателем оргкомитета, профессором Н.Ф. Талызиной. Я не только поехал в МГУ, но и выступил с докладом «Перспектива как средство управления процессами воспитания и самовоспитания»⁴.

Присутствовало на симпозиуме человек тридцать, но чувствовал я себя не очень уютно среди маститых педагогов и психологов, таких как Л.И. Божович, Л.П. Буюева, Л.И. Новикова, П.М. Якобсон, Т.Е. Конникова и др.

В своем выступлении я оперировал опытом работы в сельских школах и подчеркивал, что условием успешного управления процессами воспитания и самовоспитания является выявление определенных потребностей, в связи с этим, постановка соответствующих перспектив и дальнейшее развитие потребностей в целях их наполнения нравственно-ценным содержанием. Мой доклад поддержали

⁴ Проблемы управления процессом воспитания: Материалы симпозиума /Под ред. Н.Ф. Талызиной, Л.И. Рувинского. – М: Изд-во МГУ, 1971.

Лидия Ивановна Новикова и Леонид Изотович Рувинский, посоветовав и дальше работать в этом направлении.

В 1972 году я был приглашен и на II симпозиум в МГУ «Проблемы управления процессом формирования личности». На нем я выступал с темой «К вопросу управления формированием личности»⁵.

На симпозиуме разгорелась бурная дискуссия в связи с различием точек зрения в трактовке отдельных вопросов педагогического управления. Так, ряд расхождений касался границ управляемого и неуправляемого в воспитании, а также взаимоотношений в практике воспитания между наукой, теорией и интуицией воспитателя, его мастерством, непосредственным влиянием его личности. Среди сторонников моих управленческих идей я приобрел много друзей, ставших впоследствии известными учеными: Д.М. Гришин, А.В. Зосимовский, А.Е. Кондратенков, Ю.А. Косолапов.

В 1972 году была опубликована моя первая монография «Вопросы управления процессом воспитания школьников», в которой был дан анализ основных теоретических концепций советских и зарубежных педагогов и психологов по проблемам, связанным с управлением воспитательным процессом, показывалась роль учителя в практическом решении данной проблемы. Публиковать было сложно. Монография должна попасть в план издания Министерства просвещения РСФСР. Затем она просматривалась на месте областным «литом» (управлением по охране государственных тайн в печати), то есть цензором, и только после этого могла быть отдана в печать. Начальником Белгородского областного управления был Ким Степанович Зенин, с которым мы быстро нашли общий язык, что способствовало продвижению моей монографии.

В «Учительской газете» от 15 марта 1973 года в рубрике «Размышления над книгой» была напечатана статья «Воспитывать завтрашней радостью», в которой моей монографии давалась высокая оценка. Под статьей стояла подпись: В. Злобина, заслуженный учитель школы РСФСР, Герой Социалистического Труда. Несколь-

⁵ Проблемы управления процессом формирования личности: Материалы II симпозиума / Под ред. А.В. Зосимовского, Л.И. Рувинского. – М: Изд-во МГУ, 1972.

ко позже в журнале «Советская педагогика» (1974 – № 3) в разделе «Книжная полка» была опубликована статья В. Слостенина и М. Хойхина «Вопросы управления процессом воспитания», в которой моя книга также оценивалась очень положительно. Естественно, из всех уголков страны стали поступать просьбы выслать книгу наложенным платежом, и тираж в тысячу экземпляров дал возможность удовлетворить просьбы многих.

Заведующий кафедрой педагогики и психологии И.И. Августевич внимательно следил за моим бурным продвижением в науке и советовал вплотную заняться докторской диссертацией. Однако, должность проректора по заочному обучению сдерживала мой научный порыв. К тому же, я увлекся публикациями в газете «Белгородская правда» в рубрике «В помощь лектору и пропагандисту». Одна за другой печатались статьи на целый подвал: «Чем сильно слово», «Педагогику – в пропагандистскую работу», «Основы педагогики – каждому пропагандисту» и т. д. Такой моей прыти не могли не заметить в партийных органах, как-то меня пригласил секретарь горкома КПСС по идеологии И.Я. Ларченко и предложил возглавить городскую организацию общества «Знание», которое в то время было важным центром идеологической работы. Пришлось согласиться. На очередном Пленуме меня избрали председателем Правления Белгородской организации общества «Знание». Ответственный секретарь Правления Вертлиб Яков Григорьевич, участник Великой Отечественной войны, был действительно ответственным человеком и вел всю организационную работу.

– Допечатался, – сказала жена, узнав о таком избрании, – будешь знать, как писать в газету.

– А почему бы и нет? И нам неплохо, и читателям польза, – ответил я.

Тогда автору за статью платили приличный гонорар. Посмотрел тираж газеты того времени – 88 тысяч. Практически все работающие подписывались на нее в обязательном порядке. Тираж «Белгородской правды» на 15 мая 2013 года – 11240 экземпляров, поэтому и читают ее далеко не все. Может, и справедлива была та обязателька? По крайней мере, все читали «Белгородскую правду».

Как проректор по заочному обучению я часто присутствовал на государственных экзаменах всех факультетов, к тому же студенты должны были сдавать курс педагогики с психологией и методикой преподавания. Следует отметить, что экзамен был довольно сложным, особенно для заочников. Достаточно нервно он проходил на факультете русского языка и литературы. Если учителя достаточно бодро отвечали на вопросы по методике преподавания русского языка, то продавцам и парикмахерам этот предмет давался с большим трудом.

На госэкзамене, кроме председателя государственной экзаменационной (теперь она называется аттестационной) комиссии, присутствовали педагог, психолог и методист. Методику русского языка принимала доцент Александра Абрамовна Яновская. На ответы студентов она бурно реагировала, всплескивала руками, качала головой, возмущалась – студенты терялись и не знали, что отвечать. Приходилось Александру Абрамовну успокаивать. Она была прекрасным методистом, очень хорошо знала свой предмет, но не понимала, почему студенты не могут его усвоить. Заочники часто прибегали ко мне и просили, чтобы я присутствовал на экзамене или, хотя бы, когда комиссия обсуждает их оценки.

Принимая госэкзамены, я пришел к выводу, что на курсовых экзаменах студенты показывали намного лучшие знания, чем на государственных. Видимо, за два-три года они забывали изученный материал, а обзорные лекции (8-10 часов) не давали возможность полностью все вспомнить. Выпускники превосходили второкурсников только в виртуозности попыток списывания или чтения с «бомбы» – ранее подготовленного листа. Отсюда резюме: заменить госэкзамен по педагогике и методике преподавания дипломной работой. Причем, чтобы она была написана на основе конкретного опыта, обобщения, педпрактики, то есть представляла собой настоящую исследовательскую работу (с выделением на ее написание определенного времени в учебном плане). Тогда будущие учителя действительно приобретали бы навыки исследования, могли сами участвовать в научном поиске, обобщать свой опыт.

Меня волновал и другой вопрос – о председателях государственных экзаменационных комиссий. В целях более объективного приема госэкзаменов председатели ГЭК подбирались из числа лиц, не работающих в этом институте. Тем самым мы сами себе создавали трудности, а затем затрачивали ненужную энергию на их преодоление. Начинались поиски председателей ГЭК, как правило, из других вузов, и люди в учебное время на целый месяц отрывались от основной работы, оплата за их труд производилась из почасового фонда.

Опыт показал, что в том, председатель ГЭК свой или со стороны, разница есть, но только в пользу первого. Председатель со стороны прибывает в первый день, а потом отбывает, так как у него в своем вузе учебные часы. А потом еще раз прибывает, чтобы расписаться в дипломах. И всем, вроде бы, хорошо. Поэтому в плане упрощения данной процедуры желательно предоставлять право ректору или совету института рекомендовать в качестве председателей ГЭК работников своего вуза, как это было раньше.

Свои предложения я озвучил Д.М. Забродину при последующем посещении им нашего пединститута.

– Предложения Ваши заманчивы и справедливы, – сказал наш бывший ректор, – но не все от нас зависит, будем думать.

К настоящему времени первое предложение решено наполовину, а второе так и осталось без ответа. Все студенты пишут дипломные работы по специальности, по педагогике с методикой редко, а в основном, сдают госэк–замены по билетам, как и раньше.

В 1972 году меня позвал к себе ректор Н.Д. Глухов и сообщил, что пединституту выделили четырехкомнатную квартиру из вторичного фонда на улице Некрасова, еще ближе к институту, но «хрущевка». Тогда вообще жилые помещения строили по единому проекту, быстро, чтобы удовлетворить население в жилье. И все говорили только «спасибо», хотя квартиры были малогабаритными.

– Надо срочно провести профком, председателю я скажу, – не дожидаясь моего ответа закончил ректор.

Через два дня я уже был в райисполкоме и получал ордер. С радостью сообщил жене и детям такую новость. Быстро своими

силами сделали небольшой ремонт и переехали с улицы Некрасова, 32 на Некрасова, 26, где и прожили 26 лет.

Произошли изменения и в руководстве пединститута. Проректор по учебной работе Сергей Иванович Васильцов стал заведовать кафедрой истории КПСС, а на его место был назначен кандидат педагогических наук, доцент Валерий Александрович Пятин. Видимо, Министерство решило влить живую струю в жизнь коллектива пединститута – до этого В.А. Пятин работал в Челябинском пединституте. У нас он проявил себя энергичным и коммуникабельным управленцем. Я с ним часто соприкасался и как проректор по заочному обучению, и позже, будучи заведующим кафедрой педагогики и психологии, тем более, что как преподаватели мы работали на одной кафедре. У нас были дружеские и деловые отношения, однако я всегда оставался противником приглашения на руководящие должности со стороны.

Ректор раз в неделю созывал проректоров на оперативные совещания на час-полтора, а так называемые ректораты с руководителями всех служб проводились два раза в месяц, ежемесячно – Ученые Советы.

На биолого-химическом факультете заочно получала второе образование жена первого секретаря обкома КПСС Маргарита Васильевна Трунова. До этого она вместе с мужем Михаилом Петровичем окончила Тимирязевскую сельскохозяйственную академию и тогда работала преподавателем Белгородского медицинского училища.

Михаил Петрович Трунов был первым секретарем обкома КПСС с 1971 по 1983 год и много сделал для Белгородской области, принимал активное участие в становлении школ-комплексов. Как-то уже поздно вечером выхожу я из пединститута, а на пороге стоит Михаил Петрович. Поздоровались.

– Да вот стою, думаю, как побыстрее сделать вам пристройку. Маргарита Васильевна мне уже все уши прожужжала.

Первый секретарь был один и без машины. Он предложил мне прогуляться, а заодно обсудить насущные проблемы института. По

дороге с ним часто здоровались прохожие. Разговаривая, мы незаметно дошли до центрального рынка, который только недавно был построен.

– Вон, видишь петуха на самом верху? Это моя идея, – засмеялся Михаил Петрович.

Маргарита Васильевна аккуратно посещала лекции, в том числе и мои по педагогике. Обычно она приезжала на машине, но метров за двести до института отпускала ее и шла пешком. Сдавала у меня и экзамены, довольно вразумительно отвечала на вопросы билета. В зачетку я поставил ей «хорошо». А после госэкзаменов студенты-заочники: пригласили меня и мою жену, Ольгу Николаевну (тогда она работала учителем истории в средней школе № 2), в ресторан «Центральный». Мы сидели за одним столом с Маргаритой Васильевной и Михаилом Петровичем. Танцевать я не умел, а Маргарита Васильевна меня пригласила, как тут откажешь? Она меня приободряла: сучи ногами, сучи ногами! Вскоре облоно назначил ее общественным инспектором, и мы с ней неоднократно посещали сельские школы, в том числе, школы-комплексы.

Кроме зимней и летней сессий у студентов-заочников были еще и промежуточные – для сдачи экзаменов и зачетов, которые планировались на целый год. Проводились они как в Белгороде, так и в консультационных пунктах в Валуйках и Старом Осколе при педучилищах. Студенты, исходя из местожительства, выбирали один из этих консультпунктов. Легковых машин у преподавателей тогда не было, и добирались они в эти города на автобусах: до Старого Оскола – 4 часа, а до Валук – целых 7. Ездили они по графику со всех кафедр на два-три дня, ночевали в гостиницах. Эта работа входила в их учебную нагрузку. Несколько раз я тоже был в Валуйках и Старом Осколе и не только для приема экзаменов и зачетов, но и с целью организации работы консультпунктов.

В день празднования Дня Советской Армии 23 февраля 1971 года преподаватель Тамара Александровна Оксак от имени женщин кафедры педагогики и психологии подарила мне комнатный термометр с закрепленной на нем яркой фигуркой эскимоса. На обратной стороне дощечки с термометром были такие стихи:

«Мы всегда за консультпункты на заочном отделении.
Не считая лиха фунты, мчимся вдаль без промедленья.
Но в метели и заносы – пусть Вам ездят эскимосы!»

Этот подарок служит мне до сих пор, а Тамара Александровна и сейчас работает доцентом БелГУ только на другой кафедре.

В 1973 году я подготовил вторую монографию «Теория управления процессом нравственного воспитания», включил ее в план издания на 1974 год. Будучи в Москве, познакомил с рукописью заместителя начальника Главного управления вузов Виталия Александровича Слостенина. Он просмотрел ее за день и одобрил. С тех пор мы с ним подружились, он тоже был педагогом, готовил докторскую диссертацию на тему «Формирование личности учителя советской школы в процессе его профессиональной подготовки». Автореферат его диссертации с дарственной надписью сохранился у меня до настоящего времени. Впоследствии Виталий Александрович Слостенин стал известным ученым, доктором педагогических наук, профессором, академиком Российской Академии образования. Под его редакцией вышел ряд учебных пособий по педагогике, по ним и сейчас учатся студенты. Он много раз участвовал в научных конференциях на базе Белгородского пединститута, университета, руководил нашими аспирантами.

В 2000 году был опубликован главный труд Виталия Александровича «Слостенин»⁶. Его учеником и соавтором многих книг является доктор педагогических наук, профессор Илья Федорович Исаев, который свыше двадцати лет руководил кафедрой педагогики БелГУ. Умер В.А. Слостенин в 2010 году, не дожив до своего 80-летия несколько дней.

Издание моей монографии несколько затянулось. Дело в том, что к середине 1973 года сильно заболел отец. Весной он засобиравшись в Москву на заседание учебно-методической комиссии Министерства просвещения РСФСР. Я пытался его остановить, но безуспешно. В дороге он простудился, что дало толчок его заболеванию. В июне я с семилетней дочкой прилетел в Воронеж. Отец кре-

⁶ Слостенин. – М.: Изд. дом «Магистр-пресс», 2000. – 488 с.

пился, сходил с ней в пединститут, затем прочитал обзорную лекцию студентам, для него она оказалась последней. К осени он уже с большим трудом передвигался по квартире, потом совсем слег, затем отнялась речь. Он вопросительно смотрел своими большими карими глазами, но сказать ничего не мог. Умер отец 4 февраля 1974 года в возрасте семидесяти лет. Врачи только разводили руками: «Ну что вы хотите? Рак горла и легких в последней стадии». Вся беда была в том, что он очень много курил всю жизнь и почти до последнего времени, и никакие уговоры на него не действовали. Говорят, дети подражают родителям, но я за всю свою жизнь ни разу не брал в рот сигарету, даже ради любопытства.

Монографию я решил посвятить памяти отца, но сделать это оказалось не так-то просто. Пришлось несколько раз ездить в Курский пединститут и отстаивать свою правоту. Проректор по науке Курского пединститута, который должен был подписать мою монографию в печать, доказывал, ссылаясь на какие-то инструкции, что посвящения возможны только к художественным произведениям. Но в конце концов я ему надоел, и он, пожав руку, поставил печать и свою подпись.

На первом листе монографии «Теория управления процессом нравственного воспитания» (Курск, 1974) напечатано: «Памяти отца Тонкова Вячеслава Алексеевича, доктора филологических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РСФСР». Несколько позже на данную монографию были опубликованы положительные отзывы: А. Зосимовского в журнале «Советская педагогика», В. Косолапова и М. Смирнова в журнале «Народное образование», Л. Рувинского в «Учительской газете».

Глава 3. РУКОВОДСТВО КАФЕДРОЙ

В июне 1974 года ректор Н.Д. Глухов пригласил к себе проректора по учебной работе В.А. Пятин, проректора по научной работе Е.И. Лукашенко и меня. Надо было решить, кто заменит И.И. Августевича на должности заведующего кафедрой педагогики и психологии, так как 30 августа у него заканчивался срок пребывания в данной должности. В те годы заведовать кафедрой разрешалось не более десяти лет независимо от того, как ты работал. В.А. Пятин посмотрел на меня и сказал: «Лучшей кандидатуры быть не может». Е.И. Лукашенко его поддержал, отметив мою склонность к научной деятельности.

– А Вы-то сами как? – спросил меня ректор.

– Я согласен.

– А кто будет управлять заочным отделением? – продолжил Николай Данилович.

– Я бы посоветовал Александра Андреевича Сиротина, его можно рекомендовать на мое место, – ответил я.

– Ну что ж, буду согласовывать с обкомом партии, – закончил ректор.

На следующий день в пединститут прибыл инструктор отдела науки и учебных заведений Юрий Семенович Ельцов, побеседовали, и вопрос был решен. Я подал заявление на замещение должности заведующего кафедрой педагогики и психологии.

В июне 1974 года состоялось заседание кафедры, на котором я был рекомендован на должность заведующего. Первым выступил проректор по учебной работе В.А. Пятин, который выразил мнение ректората и свое собственное. Его поддержал И.И. Августевич, акцентируя внимание на моих успехах в научной работе. В ответном слове я поблагодарил всех присутствующих за поддержку моей кандидатуры и обратил внимание на необходимость общей систематизации и интеграции научно-исследовательской деятельности, что будет способствовать ее эффективности.

В том же месяце Ученый Совет пединститута единогласно избрал меня на должность заведующего кафедрой педагогики и психологии. В сентябре на очередном заседании кафедры была создана научно-исследовательская лаборатория и определена коллективная проблема поиска, которой я уже несколько лет занимался вплотную: «Управление процессом нравственного формирования личности школьников». Теперь я мог подключать к разрабатываемой мной проблеме широкий круг педагогов и психологов.

К тому времени ректор Николай Данилович Глухов подал заявление об уходе с должности и перешел доцентом на кафедру теоретической физики. По инициативе партийных органов ректором Белгородского государственного педагогического института был назначен Петр Григорьевич Коняев, участник Великой Отечественной войны. Он работал на кафедре общей физики еще в Старооскольском учительском институте, с 1961 по 1968 год – инструктором науки и школ Белгородского обкома КПСС. В 1968 году закончил Высшую партийную школу при ЦК КПСС в Москве, там же защитил кандидатскую диссертацию по философии, после чего стал работать старшим преподавателем, а затем доцентом кафедры философии. В 1972-1974 годах – секретарь партбюро института. Приход П.Г. Коняева на должность ректора как раз совпал с началом моей деятельности как заведующего кафедрой.

В октябре 1974 года по плану работы кафедры всем ее составом мы отправились на институтском автобусе в Велико-Михайловскую среднюю школу Новооскольского района для оказания методической помощи. Посетили музей Первой конной армии М.С. Буденного, затем директор школы В.Е. Скубанович показал нам учебные кабинеты, кратко рассказал об истории школы. Приветливо встретили преподавателей наши бывшие студенты, а теперь уже учителя школы. После уроков в актовом зале собрался педагогический коллектив. Я познакомил присутствующих с темой нашего исследования, которая была созвучна той, над которой работала школа. Состоялся заинтересованный разговор. Вкусным был и обед, особенно молочная продукция Велико-Михайловского завода.

На прощание ученики вручили нам сувениры: прозрачные пластиковые коробочки внутри которых находились красные пластмассовые тачанки – символ Гражданской войны, эти поделки дети мастерили сами. Через некоторое время мы опять всей кафедрой совершили выезд, теперь в Яблоновскую среднюю школу Корочанского района. Тогда директором школы была А.А. Басаргина, которая являлась одним из инициаторов создания территориального организационно-методического объединения школ (ТОМОШ). Коллективы четырех малокомплектных восьмилетних школ, учащиеся которых после окончания продолжали обучение в Яблоновской средней школе регулярно участвовали во многих ее мероприятиях:

- в проведении семинаров директоров, завучей, классных руководителей по актуальным проблемам учебно-воспитательного процесса;

- в работе методических объединений учителей-предметников;

- в обсуждении на объединенных заседаниях педагогического совета проблем, отражающих специфику обучения и воспитания в малокомплектных школах;

- во внеклассной работе с учащимися Яблоновской средней школы и четырех восьмилетних школ (конкурсах, викторинах, олимпиадах, концертах художественной самодеятельности);

- в проведении в школах различных смотров (учебных кабинетов, пришкольных участков, спортивных площадок);

- в организации теоретических семинаров с участием всех учителей объединения;

- в проведении различных типов уроков с участием в них учащихся параллельных классов нескольких школ.

Всему этому немало способствовал школьный автобус, который подвозил всех участников к месту проведения того или иного мероприятия.

Прежде всего мы решили посетить урок русского языка 5-х классов всех школ, входящих в ТОМОШ, а затем принять участие в теоретическом семинаре. На уроке все ученики активно участвова-

ли в работе, каждый старался не подвести свою школу. Затем был задан вопрос:

– Кто приведет пример простого распространенного предложения?

Ученик быстро поднял руку:

– Кобель бежит по дороге.

Учительница несколько смутилась:

– А другой пример сможешь привести?

– А разве этот неправильный? Мамка папку часто кобелем называет. И наш пес Полкан тоже кобель, а не сучка.

В классе – взрыв хохота, смеялись и мы, и учительница. Сошлись на том, что «Полкан бежит по дороге».

Уже в 1974 году нашей кафедрой совместно с отделом нравственного и эстетического воспитания Московского государственного университета был проведен симпозиум «Проблемы управления процессом формирования личности» и опубликован соответствующий сборник материалов.⁷

Наряду с учеными МГУ и кафедры педагогики и психологии Белгородского пединститута в дискуссиях по данной проблеме выступили известные педагоги и психологи: Б.Т. Лихачев, Л.П. Буюева, П.М. Якобсон, А.В. Зосимовский и др. Примечателен тот факт, что к данной проблеме подключились фактически все ведущие преподаватели кафедры: И.И. Августевич, В.А. Пятин, В.К. Иванова, Р.И. Питателева, Н.Е. Анкудинова, И.П. Прокопьев. Их доклады нашли свое отражение в сборнике.

Большой интерес на симпозиуме вызвали выступления: И.И. Августевича «Некоторые тенденции развития предмета современной педагогики и вопросы управления процессом воспитания»; В.А. Пятина «Модель определения педагогической цели»; И.П. Прокопьева «Управление процессом воспитания и проблема отрицательных факторов». У меня с Л.И. Рувинским был совместный доклад: «Проблемы управления процессом формирования личности на современном этапе».

⁷ Проблемы управления процессом формирования личности: Материалы симпозиума. /Под ред. Л.И. Рувинского, Е.В. Тонкова. – Курск, 1974.

В 1975 году с коллективом нашей кафедры встретился член-корреспондент АПН СССР С.Е. Матушкин, который познакомился с работой нашей кафедры и поддержал нас в коллективном исследовании темы. Большим спросом у классных руководителей пользовался сборник практических материалов «Управление и руководство воспитательной работой в школе».⁸

Названия статей говорили сами за себя, например: «Работа классного руководителя с родителями учащихся» (М.В. Селезнева), «Классные родительские собрания» (Е.Н. Боровикова), «Читательские и зрительские конференции» (А.И. Горбунова) и др. Представил свои материалы и директор Велико-Михайловской средней школы В.С. Скубанович: «Классный час в системе воспитательной работы». Тираж в 1000 экземпляров быстро разошелся по всем школам.

Но, как говорится, недолго музыка играла. В октябре 1975 года проректор по учебной работе Валерий Александрович Пятин был назначен ректором Астраханского пединститута. Он простился с нами и вместе с семьей отбыл к месту назначения. Так как его должность оказалась вакантной, то в коллективе стали судить-рядить, кто же станет проректором по учебной работе?

Ко мне на кафедру зашел Петр Васильевич Полетаев, доктор биологических наук, профессор, заведующий кафедрой анатомии и физиологии. К нам он прибыл в 1971 году из Гомельского университета вместе с молодой женой, ассистентом той же кафедры Еленой Андреевной Липуновой. Хотя Петр Васильевич был старше меня на 19 лет, мы быстро нашли общий язык и даже подружились

– Я поговорил с целым рядом наших коллег, и все мы пришли к выводу, что Вы – единственная кандидатура на должность проректора по учебной работе. Свое мнение мы высказали ректору П.Г. Коняеву.

– Напрасно вы это сделали, даже не посоветовавшись со мной. Для меня кафедра – это мое место, я чувствую себя здесь полезным и нужным, – с раздражением ответил я.

⁸ Управление и руководство воспитательной работой в школе. – Курск, 1975.

– Извини, мы хотели сделать как лучше для института, а то опять пришлют какого-нибудь «варяга», – оправдывался Петр Васильевич.

На следующий день меня пригласил Петр Григорьевич:

– Евгений Вячеславович, мнение наших ведущих ученых, а также парткома института – рекомендовать Вас на должность проректора по учебной работе. Вы согласны?

– Если честно, особого желания не испытываю, – ответил я. – Прошел только год с небольшим, как меня избрали заведующим кафедрой, коллектив включился в исследование интересной проблемы, я должен им руководить.

– А я-то уже согласовал Вашу кандидатуру с обкомом партии, – несколько смущенно проговорил ректор. – Давайте еще подумаем, утро вечера мудренее.

Дома я еще посоветовался с женой, она не очень приветствовала такой поворот событий. А утром меня пригласил к себе заведующий отделом науки и учебных заведений обкома КПСС Евгений Петрович Сакулин. Худощавый, вежливый, но с пронзительными глазами, не терпящий возражений – таким он мне запомнился.

– Вам партия доверяет важный участок работы. Вы должны гордиться этим и оправдать это доверие, – сказал, как отрезал, Е.П. Сакулин.

– А кафедра педагогики и психологии, ведущая в вузе – разве не важный участок? – пытался возразить я. – В крайнем случае, хотелось бы оставить за собой кафедру, будучи проректором.

– Этот вопрос решайте в Министерстве, – сказал Е.П. Сакулин, дав понять, что вопрос решен, и разговор закончен.

О состоявшейся беседе я доложил ректору П.Г. Коняеву, взял командировку и отправился в Москву. В Министерстве просвещения РСФСР я зашел к заместителю начальника Главка Виталию Александровичу Сластенину (Д.М. Забродин был в отпуске) и рассказал о сложившейся ситуации.

– Ты особо не возникай, – посоветовал он, – а то и кафедры лишишься и проректором не станешь.

Зашли вместе к заместителю министра просвещения РСФСР Н.В. Александрову. Я у него был около пяти лет назад при назначении на должность проректора по заочному обучению.

– В гору идешь, – засмеялся он. – Поздравляю!

– Да я бы хотел кафедру за собой оставить, она к науке ближе.

– Ну что ж, можно и оставить, только, смотри, не надорвись. Я сейчас Коняеву позвоню.

Тут же по телефону переговорил с Петром Григорьевичем и сказал В.А. Сластенину, чтобы готовил соответствующий приказ. Пока Виталий Александрович писал приказ, я сбегал в ближайший магазин, и мы символически отметили мое назначение.

Прошелся по Москве, так как до поезда было еще шесть часов. Зашел в ГУМ, там большая очередь – дают импортные женские плащи. Простояв два часа в женском коллективе, купил Ольге плащ. Просил зеленого цвета, 46-го размера. Однако, когда дома развернули пакет со столь дефицитной по тем временам покупкой, плащ оказался голубым. Ольге, брюнетке, цвет казался не очень подходящим, но делать нечего – пришлось носить. Естественно, купил и апельсины, которые ждала дочь. Все тогда везли их из Москвы.

Глава 4. ПРОРЕКТОР ПО УЧЕБНОЙ РАБОТЕ

В ноябре 1975 года я приступил к своим новым обязанностям, оставив за собой и кафедру. Некоторые мои коллеги не ожидали такого поворота, сами хотели кафедрой порулить. «Мало Тонкову одной должности, решил в двух креслах усидеть», – шептались некоторые в кулуарах.

Зарплату я получал за одну должность, только то, что было положено по смете, да и была она тогда не столь высока, как сейчас.

Многие спрашивали: «Почему Вы не покупаете себе автомашину?». «Да все никак цвет не подберу», – отшучивался я. Жили мы от зарплаты до зарплаты, безо всяких излишеств.

На первом после моего назначения Ученом совете я предложил создать в пединституте пять проблемных советов, что способствовало бы интеграции вузовской науки и развитию научно-исследовательской и научно-методической работы. Такие проблемные советы были утверждены. Один из них – «Управление процессом воспитания и активизация познавательной деятельности учащихся» – возглавил я сам, как заведующий кафедрой педагогики и психологии.

Поговорив с ректором П.Г. Коняевым о необходимости контроля за чтением лекций и приемом экзаменов преподавателями, решили, что сами будем посещать их учебные занятия. Ежеженедельно посещая две-три лекции, я выяснил, что ряд преподавателей увлекается рассказами о своей жизнедеятельности, забывая о программном материале. Некоторые, сидя за столом, диктуют лекционный материал, не отрывая взгляд от конспекта. Если в школе, прежде чем посетить урок, я за день-два предупреждал учителя и даже проговаривал с ним его проведение, то в вузе я приходил на лекции безо всякого предупреждения.

Слух о посещении занятий членами ректората распространился среди преподавателей очень быстро, и они стали серьезнее отно-

ситься к подготовке. Как-то я решил посетить экзамен, который принимал один из доцентов (не буду называть фамилию). Экзамен начинался в 8.30, и я подошел к 9.30, считая, что к этому времени студенты уже подготовятся и начнут отвечать. Однако, в аудитории не оказалось ни преподавателя, ни студентов. Пригласил декана, разыскали доцента. Оказалось, что вся группа в двадцать пять человек уже получила оценки, о чем свидетельствовала экзаменационная ведомость.

«Я студентов в процессе семинарских занятий изучил. Зачем зря убивать время?» – оправдывался доцент-новатор.

Естественно, можно нескольких человек поощрить, но нельзя же экзамен превращать в фарс. Другой доцент пошел еще дальше. Проведя консультацию по теории физического воспитания у студентов-заочников, объявил: «Кто согласен получить тройку – давайте зачетки, а кто считает свои знания выше удовлетворительных – приходите завтра на экзамен». Редко кто из студентов-заочников рискнет попытаться получить более высокую оценку. Заведующим кафедрами за низкий контроль за работой своих подопечных было поставлено на вид, а данным преподавателям объявили выговор. Один из них давно уже на пенсии, а другой до сих пор продолжает «сеять разумное, доброе, вечное» в университете.

К концу 1975 года была закончена первая пристройка к пединституту, о которой мы говорили с министром просвещения РСФСР Л.И. Даниловым еще в 1971 году. Работать стало просторнее. В новое помещение были переведены факультет русского языка и литературы и факультет иностранных языков, расширил свои границы физико-математический факультет. Продолжалось строительство пристройки № 2 с выходом на ул. Б. Хмельницкого. Встал вопрос о подготовке к открытию факультета педагогики и методики начального обучения.

Также в конце 1975 года на базе Белгородского пединститута было проведено Всероссийское совещание по организации педагогической практики в педвузах. Это явилось свидетельством признания системы ее проведения в нашем вузе, признания ее как важ-

ной формы подготовки студентов к работе в школе. Свои материалы по педпрактике представил и зав. кафедрой педагогики Ростовского-на-Дону педагогического института Юрий Константинович Бабанский, в будущем – вице-президент Академии педагогических наук СССР. Именно в Белгороде, на этом совещании у меня состоялась с ним первая встреча, которая переросла в научное сотрудничество, так как он тоже был сторонником управленческих идей в воспитании и обучении.

Очередное заседание Ученого совета пединститута было посвящено проблеме психолого-педагогической ориентации студентов на работу в сельской школе. Обычно мы акцентировались на поступлении в пединститут молодежи из сельской местности, полагая, что после окончания вуза они с удовольствием устремятся в свои пенаты. Поэтому уделяли большое внимание целевому набору абитуриентов из сельских школ. Список «целевиков» утверждался областным отделом народного образования. Однако, как показала практика, проучившись 4-5 лет в городских условиях, новоиспеченные сельские учителя в большинстве своем вовсе не горели желанием возвращаться к себе домой учить ребятишек. Им понравилось жить в городе, и они старались найти возможности и пути, чтобы закрепиться в Белгороде или других городах области. А выпускники, имеющие постоянную прописку в городе, тем более имели весомые аргументы против работы в сельской глубинке.

Поэтому наши патриотические призывы ни к каким положительным сдвигам не приводили. Профессиональная подготовка нами обеспечивалась, но ориентация на работу в сельской школе не срабатывала. Комиссии по распределению выпускников, в которую входили представители и облоно, и облпрофсоюза работников просвещения, студенты задавали вопросы: дадут ли квартиру, каковы социальные условия, насколько близко культурные центры – ответы часто были неутешительными. Мы совместно с облоно неоднократно обращались в обком партии с предложениями о создании социально-бытовых условий для проживания учителей в сельской местности. На Ученом совете пединститута был разработан целый

ряд мер, которые, начиная с первого курса, в конечном итоге смогли бы сформировать у выпускников потребность к работе в сельской школе.

Решили целый год считать их учителями-стажерами с закреплением за каждым куратора. Разработали памятку куратора и формы его отчетности за проделанную работу в учебном году. Одной песни «Комсомольцы-добровольцы» для патриотического воспитания явно не хватало. Я неоднократно выступал перед студентами, рассказывал, что я отлично учился в вузе, окончил Воронежский университет, меня оставляли в аспирантуре, но я, городской житель, сам захотел вместе с женой поехать в глубинку, в малокомплектную семилетнюю школу, где не было электричества, где печь топили торфом, а хлеб привозили раз в неделю. Не надо искать культурные центры, мы сами должны нести в село культуру! Однако блеска и энтузиазма в глазах студентов я почему-то не видел, так же, как и желания следовать моему примеру.

В начале января 1976 года на кафедру педагогики и психологии поступило письмо от председателя комиссии по проверке журнала «Советская педагогика» – известного ученого, доктора педагогических наук, члена-корреспондента Академии педагогических наук СССР, профессора Галины Ивановны Щукиной, которая просила дать справку-рецензию на статьи раздела «Вопросы обучения и воспитания» за 1972 год. Естественно, для нас это было престижно, значит нашу кафедру знали в Ленинградском госпединституте им. А.И. Герцена, где работала Г.И. Щукина, считались с нашим мнением. Я собрал кафедру, разъяснил суть дела, распределил на каждого дипломированного педагога по два номера (журнал был ежемесячным), обозначил десятидневный срок для подготовки справки. В то время все члены кафедры – педагоги выписывали журнал «Советская педагогика», а психологи – журнал «Вопросы психологии». В установленный срок я собрал все отзывы, привел в соответствующий вид и зачитал на кафедре общую справку. Всего за 1972 год по данным вопросам было опубликовано 54 статьи (23 – по проблемам воспитания и 31 – по проблемам обучения).

Нами было отмечено, что, как правило, все статьи носят теоретический характер, в меньшей мере – экспериментальный и обобщающий опыт. Подбор материалов оставляет желать лучшего, так как содержание представленных статей не дает общей картины состояния проблем обучения и воспитания на современном этапе. В то же время мы выделили среди представленных исследований работы, которые отличались проблемной постановкой вопросов, глубиной научного поиска, а именно: «Об изучении причин неуспеваемости школьников» – № 1 (Ю.К. Бабанский), «К вопросу о неравномерности развития учебных возможностей школьников» – № 11 (Ю.К. Бабанский), «Проблемы методики исследования процесса идейно-политического воспитания школьников» – № 11 (И.С. Марьенко), «Проблемы доказательности в моральном просвещении старшеклассников» – № 8 (А.В. Зосимовский), «Факторы, определяющие выбор и характер использования методов нравственного воспитания» – № 9 (В.А. Каспина), «Сущности и уровни развития потребности в труде у школьников» – № 2 (Ю.В. Шилов).

В справке были даны общие предложения и выводы. В том числе:

- чтобы все теоретические статьи обязательно имели и практический выход;
- чтобы журнал на своих страницах периодически организовывал научные дискуссии по злободневным вопросам теории обучения и воспитания;
- чтобы журнал своевременно откликался на поиски в современной практике обучения и воспитания, в том числе, дал на своих страницах развернутый анализ опыта донецкого учителя математики Шаталова или анализ опыта по созданию классов выравнивания.

В итоге такого анализа желательны общие научные выводы, применимость которых могла бы иметь место в воспитании и обучении в целом. В то же время подчеркивалось, что современное направление журнала «Советская педагогика» представляется целесообразным. При наличии ряда других журналов с большим прак-

тическим уклоном («Народное образование», «Воспитание школьников») должен иметь место журнал, где ведется систематический и целенаправленный показ современных поисков и достижений педагогической теории. В конце справки значилось: «Справка обсуждена и одобрена на заседании кафедры 31 января 1976 года». В справке 10 страниц, и ее копия до сих пор хранится у меня.

Через некоторое время мне позвонила Г.И. Щукина, поблагодарила за присланный отзыв, отметила его объективность и профессионализм и сказала, что свою благодарность за проделанную нашей кафедрой работу она направила в Министерство просвещения РСФСР.

Еще в 1974 году мне была предложена годичная командировка в Кубинскую Республику в качестве советника Министерства просвещения. «И Кубу посмотришь, и на заработанные деньги машину по квоте купишь», – все советовали мне. В те времена приобрести легковую машину в СССР было очень сложно. Очень редко встречались семьи, имеющие автомобили. Как-то в институт пришла разрядка на один автомобиль «Жигули». Так как желающих оказалось очень много, пришлось собирать заседание профсоюзного комитета. В результате бурных дискуссий машина досталась декану факультета педагогики и методики начального обучения П.Т. Фролову.

Несмотря на заманчивые перспективы, от командировки на Кубу я категорически отказался – и семью придется бросить на целый год, да и поездка слишком уж дальняя. Посоветовал кандидатуру доцента кафедры физики Станислава Андреевича Хорошавина. Он с радостью согласился. Действительно, после Кубы он купил машину, а мне в подарок привез огромную красивую ракушку. Она и сейчас лежит у нас на книжной полке. А вот Станислава Андреевича, к сожалению, в 2002 году не стало.

В августе 1975 года поступило другое предложение – месячная стажировка в Высшей педагогической школе им. Силезских повстанцев г. Ополе (Польша). Я согласился. Еще в 1972 году между Белгородским пединститутом и Опольской высшей педшколой

был подписан договор о сотрудничестве. Аналогичный договор подписали и с Высшей педагогической школой г. Гюстров (Германия). Оба договора предусматривали обмен студенческими группами (по 10 человек на 10 дней), стажировку преподавателей (на 1 месяц), проведение совместных научных конференций и публикацию их материалов.

Мною был подготовлен план спецкурса «Теоретические проблемы управления процессом нравственного воспитания», который мне предстояло прочитать для студентов-славистов. Он был рассчитан на 20 часов и включал в себя несколько разделов:

- Современное состояние проблемы управления в психолого-педагогических исследованиях.
- Специфика управления процессом нравственного воспитания.
- Система и содержание методов в управлении процессами воспитания и самовоспитания.
- Учитель и его роль в управлении процессом нравственного воспитания.

Кроме того, в представлении на имя ректора Опольской высшей педшколы, доктора Тадеуша Господарека было сказано: «Доцент Тонков Е.В. может провести следующие виды внеаудиторной работы: 1) Обсуждение на кафедре проблем преподавания психолого-педагогических дисциплин; 2) Обсуждение вопроса о совместных конференциях по проблеме управления процессом нравственного воспитания; 3) Консультации с преподавателями и студентами по проблемам нравственного воспитания».

Только после ознакомления польской стороны с моей программой было получено приглашение на стажировку. В настоящее время стажировки преподавателей в различных странах осуществляются безо всяких планов, программ и носят скорее ознакомительный характер, хотя после них и выдается сертификат о повышении квалификации.

Выезд в заграничную командировку тогда был редкостью и считался большим событием. Ко мне зашел зав. кафедрой русского

языка, известный филолог Валентин Николаевич Перетрухин (по его учебнику «Введение в языкознание» и сейчас учатся студенты не только нашего вуза, а фактически, всей России). Он уже побывал в Опольской высшей педшколе, где читал курс русского языка. Посоветовал купить ряд недорогих сувениров, рассказал, что ко всем надо обращаться «пан», «пани» и т. д. Я вооружился русско-польским словарем, чтобы выучить слова, чаще всего встречающиеся в обиходе.

Наконец, 12 февраля 1976 года поездом «Москва – Варшава» я выехал в Польшу. На варшавском перроне ко мне подошла худощавая блондинка лет тридцати пяти и спросила: «Вы пан Тóнков?». Хотя из вагонов выходило множество пассажиров (причем многие выгружали холодильники, электрообогреватели, другую технику), она обратилась именно ко мне. Видимо, потому что я один был в пыжиковой шапке, а все остальные – без головных уборов.

– Вы угадали, это я, только я не пан, а Евгений Вячеславович.

– Понимаю, понимаю, – улыбнулась встречающая, – у вас ведь все товарищи. А я магистерка София Хальска, мне поручили быть Вашим куратором или гидом, как хотите, – сказала она с некоторым акцентом.

– Откуда Вы знаете русский язык? – спросил я.

– О, это длинная история, во время войны мы с мамой жили в Казахстане.

Выполняя свои обязанности гида, София решила показать мне самое высокое здание в Варшаве – Дворец науки и культуры, построенный Советским Союзом в дар польскому народу. Лифт довез нас на самый верх, на смотровую площадку, откуда открывался обзор всей Варшавы – какая красота! Потом я захотел зайти в какой-нибудь универмаг, и София привела меня в некое подобие московского ГУМа, только размерами поменьше. Не откладывая на потом, я купил жене модельные туфли и, в качестве сувенира, игрушечную лохматую рыжую собачку, которая и сейчас смотрит на меня с полки. Так, осматривая город, мы дошли до другого вокзала и через несколько часов были в г. Ополе.

Меня разместили в так называемой «гостевой» комнате студенческого общежития: кровать, диван, два кресла, журнальный столик, телевизор и холодильник, который встретил меня знакомым урчанием. Я посмотрел на марку – ну, конечно же, «Полюс», точно такой же не давал мне спать и дома. Заглянув в него, я увидел одно яйцо, граммов сто колбасы и кусочек хлеба с маслом в пакетике – ужин на всякий случай. Вспомнил, как мы встречали зарубежных гостей и до отказа набивали холодильники. «И зачем я только сюда приехал?» – подумал я и от досады и голода пнул ногой свой чемодан. Вдруг мой взгляд привлек журнальный столик, на котором стоял крошечный глиняный кувшинчик, а в нем – стебелек с голубым подснежником. Вспомнил, что когда я уезжал из Белгорода, меня провожала метель. Немного успокоившись, достал из чемодана кипятильник, заварил в стакане чай, кое-как поужинал и лег спать, предварительно выключив холодильник, так как холодать было нечего.

Утром пошел осматривать город. Недалеко от вуза стоял памятник советскому солдату. В цветочном киоске купил две гвоздики и положил на гранитную плиту – прохожие молча смотрели на меня. В общежитии меня уже ожидали София и пожилой мужчина, который представился: «Доцент Петр Гуз». До войны он жил во Львове, поэтому свободно говорил по-русски. Они познакомили меня с ежедневным планом работы и организовали встречу с директором института педагогики и психологии, профессором Теодором Мусиолом, который был известен в Польше не только как педагог, но и как антифашист – пять лет он провел в концлагере «Дахау». Меня сопровождали Петр Гуз и Зигмунд Ломны, декан социально-педагогического факультета. После продолжительной беседы, которая касалась нашего научного сотрудничества, директор достал из сейфа бутылочку коньяка для закрепления соглашения и успехов в реализации планов. Затем он пристально посмотрел на меня и сказал: «Вы почему-то не совсем похожи на русского».

– Отец у меня русский, а мать – украинка, Мария Полторацкая, – ответил я.

Теодор Мусиол вскочил и с криком: «Вы поляк, поляк!» бросился меня обнимать. Я не стал его расстраивать рассказом о том, что моя мать родом из глухого села Жуковка Полтавской губернии, где вряд ли бывал хоть один поляк. В конце встречи он подарил мне свой монументальный труд «Дахау. 1933–1945» на польском языке (450 стр.) с надписью: «Многоуважаемому проректору Евгению Вячеславовичу Тонкову в память того, что сможет сделать человек человеку в нечеловеческой обстановке. Ополе, 06.03.1976».

На следующий день состоялась первая лекция для студентов-славистов. Группа из 20 человек встретила мое появление с интересом. Я представился, рассказал о цели нашей работы, познакомил с тематикой лекций. Студенты понимали русскую речь. Я старался произносить слова медленно и отчетливо, так я читал лекции студентам из Узбекистана, которые обучались в нашем пединституте на факультете русского языка и литературы. Проблема управления процессом нравственного воспитания группу увлекла, поэтому в конце занятия был задан ряд вопросов. Кроме всего прочего, студенты недоумевали, как можно управлять воспитанием, ведь этим мы лишаем молодого человека свободы действий. Я почувствовал, что студенты меня приняли, тем более, что для них я являлся живым носителем русского языка. Поэтому как-то незаметно, по два часа через день мы освоили весь спецкурс «Теоретические проблемы управления процессом нравственного воспитания» (20 ч.). Он был одобрен Ученым советом института педагогики и психологии Опольской высшей педшколы и опубликован на польском языке.

Как-то меня пригласили в Опольское отделение Общества польско-советской дружбы, где встретили действительно по-дружески. За круглым столом присутствовало человек двадцать пять, наша беседа за чашкой чая с печеньем длилась около двух часов. Я рассказал им о Белгороде, о Белгородском пединституте, о школьном образовании. Мне было задано множество вопросов, в том числе касающихся проблем воспитания и обучения. В этих вопросах не чувствовалось никакого политического подтекста людей, чуждых нашему обществу и образу мышления. В конце беседы мне

вручили значок Общества польско-советской дружбы и конверт с денежными купюрами, от которого я попытался отказаться. Однако, меня убедили в том, что это оплата за мой труд, и ею не надо пренебрегать.

Когда был опубликован спецкурс, в мой адрес из Опольской высшей педшколы пришло письмо, в котором просили сообщить номер счета, чтобы перевести причитающийся мне гонорар в размере 12600 злотых. Видимо, в Польше и представить не могли, что у меня нет банковского счета, а его действительно не было, так как класть туда было нечего, хотя я и считался в институте вторым человеком после ректора. Как-то уже в 1992-ом году мы немного поднакопили, я получил отпускные, и решили положить 5000 (тогда для нас это была солидная сумма) на сберкнижку, но случился дефолт, и все деньги пропали. Хотя за два дня до него президент России Б.Н. Ельцин, выступая по телевидению, убеждал страну, что дефолта не будет. С тех пор, даже если и появлялись какие-то деньги, Сбербанк я обходил стороной – никакого доверия нет. В своем ответе Опольской высшей педшколе я написал: «Прошу указанную сумму перечислить в бюджет Общества польско-советской дружбы г. Ополе. Выражаю свою признательность за публикацию моей работы и надеюсь, что это послужит дальнейшему укреплению наших научных и дружеских связей».

Ополе – небольшой провинциальный городок, всего 120 тысяч жителей. Во время экскурсий по нему меня сопровождали София Хальска и Петр Гуз. С ними я побывал в костеле, где слушал органную музыку, в музеях, в театре. Выходя из театра, в фойе я задержался у галереи фотопортретов польских артистов. «Вы знаете кого-нибудь из них?» – спросили меня сопровождающие. «В России любят, как поет Анна Герман», – ответил я и показал на ее портрет. Когда мы были уже на улице, нас догнали и вручили мне аккуратно завернутый в бумагу портрет Анны Герман, который я видел в фойе. Он и сейчас стоит на книжном стеллаже в моем домашнем кабинете.

Потом мы зашли в книжный магазин, где оказалось много книг русских классиков и известных советских писателей, причем

на русском языке. В то время в нашей стране был настоящий книжный бум, и купить хорошую литературу в магазинах было трудно. Страна была самой читающей в мире, чего не скажешь сейчас: мало кто читает, особенно в молодежной среде, да и читать-то особенно нечего, куда-то исчезли настоящие писатели и поэты. В магазине я приобрел толстенное учебное пособие «Pedagogika» на польском языке, несколько книг по своей проблеме и роман Ильи Эренбурга «Буря». Не остался в стороне и продуктовый магазин. Обедал я в студенческой столовой по выданным талонам, а вот завтракал и ужинал у себя в «гостевой» комнате, поэтому более других меня интересовал колбасный отдел. Ассортимент был большой и разнообразный, но все колбасы оказались одинаково невкусными. Продукты были достаточно дорогими. Меня поразило обилие фруктов и овощей в зимнее время, особенно польских и венгерских яблок. У нас тогда их можно было купить только в Москве. Зато сейчас в Белгороде, пожалуй, лучше, чем тогда в Польше: в любое время года любые фрукты и овощи, правда, недешевые и почти все импортные. Вымытая картошка в сеточках, чистенькая, одна в одну, морковь и редиска в ярких пакетах – произведено в Израиле. А где свое-то? За державу стало обидно.

Помню, еще в 1966 году учащиеся Новоусманской средней школы Воронежской области, в которой я работал директором, в школьной теплице, зимой, гидропонным методом выращивали зеленый лук и каждую неделю возили на телеге в районную столовую и снабжали школьный общепит. А когда в августе 1968 года переехал в Белгород, на каждом углу стояли продавцы с дешевыми корочанскими яблоками. Куда все это делось?

Вскоре я был приглашен к ректору Опольской высшей педшколы (ныне университета), профессору Тадеушу Господареку. На встрече вместе со мной были директор института педагогики и психологии Теодор Мусиол и доцент Петр Гуз в качестве переводчика. Навстречу мне вышел худощавый брюнет средних лет – ректор Т. Господарек. Я передал ему привет от ректора Белгородского пединститута П.Г. Коняева, от его имени пригласил в Белгород.

Т. Господарек поблагодарил и засмеялся: «Обязательно к вам приеду, если только успею. У нас нельзя занимать должность ректора более четырех лет. Только адаптировался, вошел во вкус и – до свидания» (и действительно, вскоре наш пединститут посетил уже новый ректор из Ополе – Кохман, который привез десять экземпляров моего спецкурса на польском языке).

Я рассказал о перспективах развития нашего вуза, об интеграции научных исследований, о планах сотрудничества. Ректор слушал и кивал головой, потом встал, достал из ящика стола большую бронзовую медаль «За образование и науку» в бордовой коробке и произнес: «В знак дружбы и сотрудничества вручаю Вам эту награду от Ученого совета Опольской высшей педшколы им. Силезских повстанцев». Затем поставил на стол бутылку «Наполеона», налил всем в бокалы граммов по пятьдесят – таким образом дружба и сотрудничество были закреплены.

Выходя из кабинета, доцент Петр Гуз приговаривал: «Какая честь, не каждого ректор так встречает». В коридоре нас встретили доцент Зигмунд Ломны и магистр Юзеф Подгурецкий (впоследствии доктор наук, профессор), и мы всей группой двинулись по улице. Наше шествие остановил попавшийся на пути бар.

- Давайте зайдем, я угощаю, – предложил Ломны.

Приглашение никого не заставило долго ждать. Внутри помещение бара было отделано под старину, потолок и стены деревянные, по углам – тележки с бочонками, на стенах – конские дуги, колеса и подковы. Нас встретили девушки с косами в старинных национальных костюмах. Мы заказали по пятьдесят граммов коньяка. Все, в той или иной мере, говорили по-русски, и так мы просидели, беседуя, около двух часов, благо, что в баре почти никого не было.

Я встречался со всеми преподавателями института педагогики и психологии, директором которого был профессор, доктор наук Теодор Мусиол. Институт мало чем отличался от кафедры педагогики и психологии, которой я заведовал, только в его структуре был еще и социально-педагогический факультет.

Преподавателям института педагогики и психологии Опольской высшей педшколы я рассказал, что при кафедре педагогики и

психологии Белгородского пединститута создан проблемный Совет «Управление процессом воспитания и активизация познавательной деятельности учащихся», в который входят ученые, пожелавшие заниматься данной темой, независимо от того, на какой кафедре они работают, но прежде всего, педагоги, психологи и методисты, т. е. происходит консолидация вузовской науки.

Тезисно изложил основные аспекты данной проблемы, которая вызвала интерес у польских коллег. Некоторые выразили сомнение относительно применения словосочетания «управление воспитанием», так как управление – это кибернетическое понятие и применимо лишь к производству. Пришлось доказывать, что педагогика должна взять себе в союзники кибернетику, ведь педагогика предполагает обратную связь, в этом и заключается суть управления. Познакомил с рядом сборников на данную тему, опубликованных как МГУ им. Ломоносова, так и Белгородским пединститутом, подарил Теодору Мусиолу свою монографию «Теория управления процессом воспитания».

В знак одобрения кто-то хлопал в ладоши, кто-то стучал пальцем по столу. Директор Т. Мусиол подарил мне научный сборник «Pedagogika» Опольской высшей педшколы со своей заглавной статьей (№ 9 – 1976 г.). Через год в этом сборнике в качестве заглавной будет опубликована моя объемная статья: «Логика перехода воспитания в самовоспитание как отражение специфики управления процессом нравственного воспитания». И среди поляков появились сторонники исследования нашей проблемы. Для очередного сборника «Проблемы управления процессом нравственного воспитания», который был намечен к выходу на июль 1976 года, я привез в Белгород две статьи: «А.С. Макаренко о поощрении и наказании в системе управления процессом воспитания» (Петр Гуз) и «Формирование умственных способностей и их место в изучении проблемы управления процессом воспитания» (София Хальска).

Очень интересной оказалась экскурсия в г. Краков – один из старейших городов Польши. Мне предоставили микроавтобус, и я отправился в двухдневную поездку вместе с Софией Хальской и

еще одним преподавателем, который хорошо знал этот город. Сначала мы побывали в Краковском университете, потом в замке на Вавеле, который произвел на меня большое впечатление, а ближе к вечеру посетили католический собор. После долгого хождения по городу там можно было отдохнуть, посидеть на широкой деревянной скамье. При входе слева и справа я увидел небольшие черные кабинки и спросил у Софии, для чего они. София объяснила, что там сидят священники, которым можно исповедаться, и за определенную плату они отпустят грехи. Кстати, она тоже сходила в одну из этих кабинок. Я спросил: «Зачем?» – «А так, на всякий случай». До сих пор не могу понять, почему в православном храме стоят, а в католическом сидят на скамейках. С интересом смотрю службы на Пасху и Рождество, которые транслируются по телевидению. Люди стоят в тесноте и духоте по несколько часов, в том числе, старики и дети. Я бы сейчас не выдержал. А они стоят, видимо, чтобы показать свое уважение к Всевышнему.

Не оставили без внимания мы и Поронино, недалеко от которого в 1913 – 1914 годах жил В.И. Ленин. Здесь проходило так называемое «Поронинское совещание» ЦК РСДРП с партийными работниками. К моменту моего посещения там был музей. Последним местом нашей экскурсионной поездки стал бывший концентрационный лагерь «Освенцим», в котором во время Второй мировой войны фашисты истребили около четырех миллионов узников разных национальностей – поляков, русских, евреев, цыган и др. Осмотр «Освенцима» оставил гнетущее впечатление.

Обратная дорога заняла четыре часа. Программа моей стажировки была полностью выполнена, можно было собираться домой. За два дня до отъезда ректор пригласил меня на прощальный ужин. Присутствовало человек двадцать, причастных к нашему сотрудничеству, в том числе, представитель городской власти и председатель отделения Общества польско-советской дружбы г. Ополе. Я внес свой вклад в трапезу, выставив на стол две бутылки «Столичной», чем вызвал бурное оживление в зале. Поднимались тосты за дружбу и сотрудничество, и все были уверены, что так всегда и будет.

На следующий день ко мне зашла доцент кафедры славистики Евгения Кухарска и пригласила меня и доцента Петра Гуза к себе на обед. Она свободно говорила по-русски, у нее было много знакомых в Москве и других городах СССР. А пригласила в гости, потому что собиралась на стажировку в Белгородский пединститут, на кафедру русского языка. Нам предстояло ехать вместе, и она просила сопровождать ее. В свои шестьдесят пять лет Петр Гуз был одинок и с удовольствием откликнулся на приглашение отобедать у Кухарской, тоже одинокой женщины бальзаковского возраста.

В квартире нас очень впечатлила кухня, заставленная различными деревянными поделками, среди которых лидирующее место занимали русские матрешки. Ели мы с Гузом почти молча, так как говорила все время хозяйка.

С возмущением она вспоминала о недавно проведенном в Опольской высшей педшколе ленинском субботнике:

- Я прямо в глаза сказала председателю профсоюза – они не дождутся, чтобы я убирала в парке мусор и собачье дерьмо, этим должны заниматься дворники, а не профессора с доцентами. А он меня решил воспитывать: «Пани Кухарска, всякий свободный труд облагораживает человека», – тоже мне, нашелся проповедник, – заключила Евгения Кухарска.

Под впечатлением от еды Петр Гуз вдруг вспомнил, что еще до войны во Львове он ел прекрасную ветчину, и такой он больше уже никогда и нигде не встречал. Так за обедом прошло часа два, потом мы поблагодарили хозяйку и договорились о завтрашней встрече на вокзале. Я попросил Кухарскую и Гуза помочь мне выбрать костюм. Они с удовольствием согласились, и мы отправились в магазин. Мне понравился серый костюм из интересной ткани «в елочку». Примерил – как будто на меня сшит. Вокруг стали собираться люди, цокали языками, приговаривали: «Dobrze! Bardzo dobrze!» (Хорошо! Очень хорошо!). Покупка состоялась.

На следующий день, уже в Варшаве, недалеко от вокзала я увидел длинную очередь мужчин у киоска. Каждый отходил с красной гвоздикой, перевязанной ленточкой. «Да ведь сегодня Ме-

ждународный женский день!» – вспомнил я и встал было в очередь, но меня опередила Евгения Кухарская и направила в первые ряды, объяснив очереди, что я из России, и мы опаздываем на поезд. Поляки одобрительно закивали и расступились. Я тоже купил гвоздичку и тут же вручил Кухарской. Окружающие заулыбались и хлопали в ладоши.

Однако, у вагона нас ждало разочарование: проводница никак не хотела впускать нас с гвоздикой, так как растения провозить через границу запрещено. В конце концов она смиловилась – все же восьмое марта, но вдруг опять затормозила, рассмотрев наши билеты, из которых следовало, что мы едем вдвоем в одном двухместном купе. «Мужчина и женщина не могут быть вместе», – несколько раз повторила она. Мои уверения, что я морально устойчив, и это прописано в официальной характеристике, на проводницу не подействовали. Пришлось обратиться к бригадиру поезда, он оказался русским. «Ради дружбы России и Польши – пропусти», – сказал он проводнице и засмеялся. Больше в дороге никаких неожиданностей не произошло, и через два дня мы были в Белгороде.

На вокзале нас встречал мой бывший студент, председатель студенческого профкома Николай Иванович Куриленко, который на протяжении всей своей жизни и какой бы пост ни занимал, был палочкой-выручалочкой. На стоянке нас ждала ректорская «Волга» – единственная в институте легковая автомашина, престижная по тем временам, так как иномарок тогда в городе не было. Е. Кухарская и Николай Иванович вышли у студенческого общежития, где гостье подготовили жилье, а я поехал домой. Наконец-то я оказался дома! Во время моего отсутствия Ольге помогала по хозяйству моя мама Мария Ефимовна, приехавшая из Воронежа, тогда ей было шестьдесят семь лет.

Я передал письменный отчет о стажировке ректору П.Г. Коняеву, а потом отчитался на очередном заседании Ученого совета.

В марте 1976 года был получен приказ министра просвещения РСФСР об открытии в нашем пединституте факультета педагогики и методики начального обучения. Область испытывала большую

потребность в квалифицированных кадрах с высшим образованием для начальной школы. И хотя строительство пристройки № 2 шло быстрыми темпами, ожидать его окончания до конца года не приходилось. Поэтому по согласованию с облоно и отделом науки и учебных заведений обкома КПСС было решено временно разместить новый факультет в средней школе № 27, которая находилась недалеко от пединститута и имела возможность предоставить ряд классов под аудитории для студентов.

Деканом факультета была назначена кандидат педагогических наук Тамара Александровна Оксак, доцент кафедры педагогики и психологии, которая вплотную стала заниматься подготовкой к открытию нового факультета. Необходимо было комплектовать и кадровый состав, который был бы способен обеспечить надлежащую подготовку студентов. Для работы на данном факультете были переведены по их желанию опытные преподаватели И.П. Прокопьев, В.П. Пащенко, Л.С. Перетрухина, В.А. Кабанов, В.В. Кудряшов.

С 1 сентября Белгородский пединститут принял первых 50 студентов на новый факультет. Следует отметить, что институт развивался быстрыми темпами, но его продвижение сдерживалось отсутствием учебно-материальной базы. Поэтому возведение девятиэтажного общежития для студентов, девятиэтажного учебного корпуса и концертного (актового) зала приобрело значение настоящей народной стройки. Даже сотрудники обкома КПСС и облисполкома, включая первых руководителей области, по субботам участвовали в строительстве, что служило мощным стимулятором для строительных организаций.

По понедельникам на стройке проводились так называемые «летучки» – краткосрочные производственные совещания, на которых нередко присутствовал известный строитель, начальник Всесоюзного объединения «Центротяжстрой» Лев Николаевич Потопов. Институт был представлен ректором П.Г. Коняевым или проректорами Н.В. Камышанченко и Ф.Я. Эстисом. Мне также приходилось бывать на этих совещаниях.

Федор Яковлевич Эстис работал в должности проректора по административно-хозяйственной части, а затем инженером по тех-

нике безопасности, почти двадцать лет, с 1975 по 1993 год. Он очень много сделал для организации строительства учебных корпусов, общежития, столовой, концертного зала. Его требовательность, иногда доходящая до грубости, прощалась ему, перекрываясь деловыми качествами, приобретенными в годы Великой Отечественной войны. Он проходил военную службу в должности начальника железнодорожной колонны особого резерва Главнокомандующего, обеспечивая доставку наиболее важных военных грузов.

Однажды на строительство учебного корпуса и концертного зала должен был приехать с ознакомительным визитом секретарь областного комитета КПСС В.П. Соболев. Предваряя его приезд, в институт прибыл заведующий отделом науки и учебных заведений Е.П. Сакулин, курировавший строящиеся объекты по партийной линии. П.Г. Коняев был в отпуске, и я исполнял обязанности ректора. Вместе с Ф.Я. Эстисом и высоким гостем мы отправились на стройку. Е.П. Сакулин стал измерять шагами площадь концертного зала и она почему-то показалась ему меньше проектной. По этому поводу между ним и Ф.Я. Эстисом завязалась дискуссия, причем на повышенных тонах. Кончилось это тем, что Евгений Петрович предложил освободить Ф.Я. Эстиса от занимаемой должности.

- Была без радости любовь, разлука будет без печали! – сказал в ответ Федор Яковлевич. А секретарь обкома так и не приехал... Молча разошлись по своим местам.

Преподаватели и студенты не были безучастными наблюдателями строительной эпопеи. После занятий, а также в выходные дни они были заняты на подсобных работах: подносили кирпич и цементный раствор, убирали строительный мусор. Был составлен график, в соответствии с которым студенты в учебное время трудились на объектах. В конечном итоге строительство было завершено и спортивный комплекс, включая футбольное поле, был окольцован учебными корпусами и общежитиями.

Когда проректор по учебной работе В.А. Пятин был назначен ректором Астраханского пединститута, мне, как его преемнику, было предложено возглавить Белгородское областное отделение

Педагогического общества России. Моими помощниками – ответственными секретарями этой общественной организации – были поочередно известная белгородская писательница Наталья Глебовна Овчарова, участник Великой Отечественной войны Зоя Владимировна Колесникова и более двадцати лет – Людмила Александровна Королева, выпускница физико-математического факультета, которая впоследствии долгое время возглавляла отдел аспирантуры и послевузовского профессионального образования.

Главным назначением Педагогического общества было изучение педагогического опыта и пропаганда педагогических знаний через различные средства массовых коммуникаций, включая печать. Поэтому Педагогическое общество имело право издавать научно-педагогическую и методическую литературу (как я уже отмечал, таким правом не обладал тогда даже сам институт). Для областного отделения Педагогического общества была выделена большая комната в новой пристройке, где оно и находилось более тридцати лет до упразднения в 2012 году.

Вся работа общества осуществлялась через президиум, в том числе и проведение научно-практических конференций, а также опубликование научно-методической литературы. В президиум входили представители обкома КПСС, облоно, обкома профсоюза работников просвещения, директор областного института усовершенствования учителей, ряд директоров средних школ, ученые пединститута.

Пиком деятельности областного отделения педагогического общества можно считать время организации и развития сельских школ-комплексов на Белгородчине. Первопроходцами в этом деле стали педагогические коллективы Бессоновской (1974 г.) и Яснозоренской (1975 г.) средних школ, поддержанные руководителями колхозов им. Фрунзе и «Знамя», а также Белгородским районным комитетом КПСС, который тогда возглавлял недавно ушедший из жизни Николай Алексеевич Сурков – великолепный организатор, талантливый человек и прогрессивно мыслящий руководитель.

Созданная структурная организация сельской школы представляла собой многопрофильное объединение общеобразователь-

ной школы, внешкольных и культурно-просветительных учреждений различных ведомств (музыкальных, художественных, спортивных школ, хореографических студий, станций юных техников и натуралистов), которые входили в комплекс на правах специализированных подразделений. Ряд учебно-воспитательных комплексов включали в себя производственный комбинат, детский сад и начальную школу.

Суть инновационных изменений сельской школы состояла в комплексном построении всей учебно-воспитательной работы, в органическом соединении общего и вариативного внешкольного образования, что в конечном итоге способствовало гармоничному развитию личности и нейтрализовало стихийное влияние на нее.

Мощный импульс к развитию школ-комплексов в нашей области был дан в выступлении первого секретаря Белгородского обкома КПСС Михаила Петровича Трунова на партийном пленуме в октябре 1976 года. Руководители колхозов и совхозов, партийные организации, отделы народного образования, отделы культуры, педагогический институт и школы были консолидированы для решения одной проблемы – организации и развития учебно-воспитательных комплексов.

Мы стали проводить научно-практические конференции, обучающие семинары, различные тренинги с выездом непосредственно на места – в сельские школы – для оказания методической помощи учителям и руководителям сельскохозяйственных предприятий в налаживании творческого взаимодействия.

Я стал часто бывать в Яснозоренской школе-комплексе, которой руководил Михаил Петрович Щетинин, инициатор этого движения в России. В свое время он закончил музыкально-педагогический факультет и замечательно играл на многих инструментах, особенно на аккордеоне. Улыбчивый, внешне привлекательный, обаятельный человек он легко очаровывал заезжих корреспондентов, особенно женщин, которые публиковали о нем восторженные отзывы в центральной печати.

Глава 5. НОВОЕ НАЗНАЧЕНИЕ

Весной 1977 года ректор Петр Григорьевич Коняев предложил мне перейти на должность проректора по научной работе. Он аргументировал это тем, что сейчас акцентируется внимание на приближении науки к практике работы школ и необходимостью организации проведения научных исследований, связанных со школами-комплексами.

– Поживем-увидим, – уклонился я от прямого ответа на предложение ректора, однако ненадолго.

Через несколько дней ко мне в кабинет зашел Е.П. Сакулин, хотя обычно он приглашал для разговора к себе в обком. Он повторил предложение Петра Григорьевича, но уже в более категоричной форме.

– А ко мне, как к проректору по учебной работе есть претензии? – спросил я.

– Претензий нет, но для дела так будет лучше, – твердо сказал Евгений Петрович голосом, не терпящим возражений.

– Кто же, если не секрет, займет мое место? – поинтересовался я.

– Планируется предложить эту работу декану из технологического института строительных материалов Николаю Васильевичу Камышанченко, – закончил разговор высокий гость.

После этого я зашел к ректору и сказал, что согласен на должность проректора по научной работе, так как дальше сопротивляться было бессмысленно. В связи с новым назначением я решил покинуть пост заведующего кафедрой педагогики и психологии, учитывая, что теперь придется заниматься наукой в рамках всего института. С 1978 года кафедрой стала заведовать доцент В.К. Иванова.

Тем временем пришел приказ Министерства просвещения РСФСР об открытии на базе Белгородского государственного педагогического института им. М.С. Ольминского исторического факультета с 1 сентября 1977 года для обучения по специальности

«история, обществознание, английский язык». Об этом мы вместе с руководством облоно давно мечтали! Деканом нового факультета был назначен Евгений Иванович Лукашенко, которого я сменил на должности проректора по научной работе.

Лето 1977 года выдалось жарким. Так как я еще исполнял обязанности проректора по учебной работе, то вместе с ректором, ответственным секретарем приемной комиссии и деканами принимал непосредственное участие в приемной кампании. Принимали на 1 курс и 50 абитуриентов-историков. Конкурс был 5 человек на 1 место. К этому времени из Курского пединститута к нам перевелись первые преподаватели нового факультета: кандидат исторических наук Е.В. Дворецкий и его супруга А.А. Дворецкая.

Официально, как и всегда мне предоставили отпуск, но я им никогда не пользовался – ни разу не отдыхал ни в санатории, ни в доме отдыха, но зато чувствовал себя свободным человеком и мог находиться в институте не целый день, а по собственной воле. Обычно я ездил с секретарем партийного бюро института Чеботаревым Владимиром Севастьяновичем к студентам, работавшим в строительных отрядах. Тогда такая форма деятельности в летнее время была очень распространена в нашем институте, как и агитационные бригады, которыми руководил председатель профкома Николай Иванович Куриленко. Посещал и летние пионерские лагеря, которые теперь называются оздоровительными. В них старшими вожатыми и воспитателями работали наши студенты.

В воскресенье я любил ходить на колхозный рынок, где было много фруктов, ягод и овощей, как говорят сейчас, от местного товаропроизводителя. Всегда заходил в тот уголок базара, где продавали животных, птиц, аквариумных рыбок. Однажды увидел там молодого человека, который держал в руках небольшую мохнатую собачку. Свесив одно ухо, она просительно смотрела на меня. Устоять перед этим взглядом я не смог.

– Сколько хочешь? – спросил я у парня.

– Десять рублей, – ответил он.

– Поехали со мной, – предложил я. – При себе денег у меня нет, но собаку возьму.

Мы поехали к нам домой, где собачка по имени Зита перешла в мои руки вместе с поводком, специальным шампунем и резиновым кольцом для зубов. Дома неожиданной покупке были рады. Не менее рада была и Зита, которая крутилась под ногами и звонко лаяла. Всеобщая радость оказалась недолгой. Зиту надо было не только кормить, но и утром, и вечером выводить на прогулку. Всем членам семьи сразу стало некогда. Дочь Елена торопилась в школу, сын Евгений – в институт. Я остался крайним, но меня тоже хватило на неделю. Местные собаки узнали время нашего с Зитой выхода и караулили нас у подъезда. Затем вместе со сворой собак, сопровождавших нас, мы двигались по двору. Соседи с любопытством наблюдали за этой процедурой. Зите нравилось кобелиное общество и она никак не хотела возвращаться домой, визжала и упиралась.

Через некоторое время я встретил в коридоре института заведующего кафедрой физвоспитания Василия Васильевича Кудряшова.

– Вы собак любите? – Неожиданно спросил я у него.

– Люблю, – опешив от такого вопроса от проректора, удивленно ответил он. – Вот, собирался приобрести, ребята просят.

– Собака есть! Пошли ко мне домой! – Я от радости даже засмеялся.

– Да у меня денег нет, она наверное, дорогая, – замялся Василий Васильевич.

– Это подарок! – Успокоил я его.

Вскоре Василий Васильевич уводил из нашей квартиры Зиту вместе с шампунем и резиновым кольцом.

Но прошел год, и рано утром к нам в дверь кто-то позвонил. На пороге стоял Василий Васильевич и улыбался. В руках у него был кудлатый щенок.

– Это Вам в подарок от Зиты и тоже Зита, – весело сказал он. И все началось сначала...

Весной 1977 года я составлял проект очередного плана учебно-воспитательной работы института на предстоящий учебный год для утверждения на Ученом совете. План сохранился у меня. Он

был издан тиражом 200 экземпляров и был всем доступен. В нем отражены задачи коллектива, определено содержание работы, сроки проведения мероприятий, ответственные исполнители и т. д. Назову только некоторые разделы плана:

- Кадры и повышение их квалификации.
- Повышение научного, идейно-политического и методического уровня учебного процесса.
- Организация самостоятельной и научно-исследовательской работы студентов.
- Воспитательная работа во внеучебное время.
- Работа заочного отделения.
- Заседания Ученого совета института.
- Заседания ректората.
- Совещания деканов и заведующих кафедрами.
- Список комиссий Ученого совета института.
- Список членов Ученого совета института.
- Список членов ректората.
- Список членов профсоюзного комитета.

Такой план-справочник пользовался большим спросом не только среди руководящих работников института, но и многих преподавателей.

Осенью 1977 года П.Г. Коняев предложил мне выехать в Министерство просвещения РСФСР для утверждения в должности проректора по научной работе. Находясь в Министерстве, зашел к заместителю начальника Главка. Вместо хорошо знакомого мне Виталия Александровича Сластенина эту должность занимал уже Жильцов Петр Алексеевич – тоже приятный, доброжелательный человек. Разговорились, нашлось много общих тем. Он тоже оказался педагогом, занимался проблемой трудового воспитания учащихся во внеклассной работе. Вместе отправились к начальнику Главка Дмитрию Михайловичу Забродину. На краю стола у него в кабинете стояло большое блюдо с виноградом.

– Чай пить будешь? – по-домашнему спросил он. – Нет? Тогда ешь виноград. К Министру или его заместителю мы не пойдем, все и так ясно. Жильцов пока подготовит приказ, а ты у меня посиди.

На этом процедура утверждения была завершена, а уже через час я шагал по Москве.

В Белгороде предстояло пройти еще согласование в областном комитете КПСС. На бюро обкома мы зашли вместе с заведующим отделом науки и учебных заведений Е.П. Сакулиным, который стал меня представлять.

– Не надо, мы его знаем, – махнул рукой первый секретарь обкома М.П. Трунов. Обращаясь ко мне, он рекомендовал обратить самое пристальное внимание на школы-комплексы, посмотреть, не вредят ли творческие студии и кружки учебному процессу, не увлеклись ли мы всем этим чрезмерно.

– Помогайте директору Яснозоренской школы Щетинину, постарайтесь повнимательнее вникнуть в его работу, – напутствовал меня Михаил Петрович.

На эту же тему продолжился разговор и в кабинете Е.П. Сакулина. Евгений Петрович посоветовал привлекать как можно больше преподавателей к исследовательской работе в школах-комплексах, отметив, что по этой проблеме можно защищать не только кандидатские, но и докторские диссертации.

Ректору П.Г. Коняеву я рассказал о своих встречах в Министерстве и обкоме КПСС и мы решили провести совещание деканов и заведующих кафедрами, посвятив его школам-комплексам, а также запланировали межвузовскую конференцию по этой проблеме. С 1 января 1978 года я официально стал проректором по научной работе, а проректором по учебной работе был назначен кандидат физико-математических наук, доцент Николай Васильевич Камышанченко, который впоследствии 11 лет руководил работой института, а затем и университета, защитил докторскую диссертацию, получил высокое звание заслуженного работника высшей школы РФ.

В апреле 1978 года была проведена конференция «Комплексный подход в управлении процессом воспитания школьников» с

участием преподавателей и работников школ не только Белгородской области, но и Москвы, Киева, Харькова, а также Института педагогики Высшей педагогической школы им. Силезских повстанцев из г. Ополе (Польша). Таких конференций, да еще с международным участием, в Белгороде раньше никогда не было. По итогам работы конференции был издан сборник материалов, рассматривающих проблему комплексного подхода в управлении процессом воспитания и пути его осуществления в практической деятельности⁹.

К этому времени при институте в соответствии с приказом Министерства просвещения была создана научно-исследовательская лаборатория, которая руководила экспериментальной работой в школах, связанной с выявлением оптимальных условий в решении задач всестороннего, гармоничного формирования личности. Как определенный итог опытной работы, проводимой в школах Белгородского района, в сборнике были представлены материалы доцента П.Ф. Чепикова «Деятельность партийных организаций по созданию сельских школ-комплексов», доцентов И.И. Августевича и М.В. Селезневой «Некоторые особенности социально-психологического климата в начальных классах Яснозоренской средней школы». Особый интерес вызвала статья педагога-новатора М.П. Щетинина «Организация оптимального режима школ-комплексов – важное условие управления процессом воспитания». Были опубликованы и работы польских педагогов Зигмунда Ломны, Софии Хальской, Юзефа Подгурецкого.

Все материалы сборника били в одну цель – обосновать приоритет школы-комплекса в сравнении с обычной школой во всестороннем развитии личности.

А между тем на 30-31 мая 1979 года Министерство просвещения России наметило провести на базе нашего института Всероссийское координационное совещание руководителей педагогических учебных заведений «Улучшение подготовки будущих учите-

⁹ Комплексный подход в управлении процессом воспитания школьников / Под общей редакцией Е.В. Тонкова. – Курск, 1978.

лей к воспитательной работе в современной школе». Мне было поручено редактировать тезисы выступлений участников совещания. В состав редакционной коллегии вошли также Д.М. Забродин, П.А. Жильцов, П.Г. Коняев. Особую активность в организации совещания принимал Е.П. Сакулин, вплоть до публикации программы совещания, размещения участников, разработки маршрутов ознакомления со школами. Совещание было решено проводить в актовом зале городского дворца пионеров.

Отредактированные тезисы выступлений (их оказалось 27) я отвез в Министерство для согласования, где с ними ознакомились и вернули для опубликования. Белгород не случайно был определен в качестве места проведения координационного совещания, так как Белгородская область уже к тому времени была неоднократным победителем Всероссийского соревнования по подготовке школ к новому учебному году.

На совещании после выступления начальника Главного управления вузов Д.М. Забродина обстоятельный доклад сделал академик-секретарь Академии педагогических наук СССР профессор Ю.К. Бабанский на тему «Проблемы психолого-педагогической подготовки будущих учителей к воспитательной работе в современной школе». Ректор института П.Г. Коняев поделился опытом работы по подготовке студентов к воспитанию учащихся на основе комплексного подхода. Я в своем выступлении остановился на совместной деятельности вуза и сельской школы в подготовке студентов к воспитательной работе.

Прежде всего я подчеркнул, что наличие у института, органов народного образования и учителей единого научного направления является объединяющей основой связи вуза со школами. Коллективно разрабатывая единую научную проблему, преподаватели вуза и учителя становятся единомышленниками в решении поставленных задач. Кафедры института и сельские школы-комплексы определили совместные действия, установили контакты, способствующие совершенствованию учебно-воспитательного процесса. Здесь не должно быть шаблона. План совместной работы составлялся в

зависимости от квалификации педагогических кадров в школе, материальной базы, проблем, над решением которых работает школа.

Кроме того, мной был обозначен вопрос о базовой школе как в городе, так и в сельской местности, которая могла бы служить научно-исследовательской лабораторией, базой для проверки внедрения новых идей и методов обучения и воспитания. Рассказал о системе подготовки руководящих кадров для школы. По предложению облоно нами был составлен перспективный план подготовки резерва руководящих кадров для школ на десять лет. Совместно с обкомом ВЛКСМ рассматривался вопрос о подготовке резерва организаторов внеклассной и внешкольной работы, был разработан соответствующий спецкурс «Воспитательная работа в школах-комплексах».

В своих выступлениях участники совещания (ректоры вузов и директора педучилищ) делились опытом своей работы, предлагали пути решения рассматриваемой проблемы.

В начале октября 1980 года на нашей базе проводилось уже Всесоюзное совещание заместителей министров просвещения республик, руководителей краевых и областных отделов народного образования. Оно также было посвящено организации и развитию школ-комплексов. К тому времени они получили новое наименование, так как у кого-то из функционеров слово «комплексы» ассоциировалось с сельскохозяйственной тематикой. Поэтому доклад, с которым на совещании выступал заведующий областным отделом народного образования Иван Стефанович Соловецкий назывался уже с учетом руководящих пожеланий «Развитие сельских школ Белгородской области, объединенных с внешкольными учреждениями». В совещании принимал участие заместитель министра просвещения СССР Ф.Е. Штыкало. Было решено заслушать доклад Ивана Стефановича, а затем разъехаться по школам, чтобы на следующий день обменяться впечатлениями.

Мне было поручено сопровождать гостей в Бехтеевскую среднюю школу Корочанского района. Туда же должны были ехать Ф.Е. Штыкало и И.С. Соловецкий, но они направились куда-то в

другое место, и я остался с гостями один. На границе района нас встретили первый секретарь райкома партии А.В. Четвергов и председатель райисполкома М.А. Деркач. Девушки в народных костюмах преподнесли гостям хлеб-соль на рушнике. В отсутствие заместителя министра каравай пришлось принять мне. В школе мы познакомились с учебными кабинетами, классами для внеурочной деятельности. Мария Афанасьевна Деркач подробно рассказала о проводимой работе. Председатель местного колхоза Герой Социалистического Труда А.Д. Михайлов подтвердил важность взаимодействия колхоза и школы в воспитании подрастающего поколения.

На этом знакомство со школой закончилось. Директор школы попыталась пригласить гостей на обед в школьной столовой, но А.В. Четвергов предложил пообедать на воздухе. Приехали на опушку леса. Там уже горел костер, а на огне стояла огромная сковорода диаметром метра полтора – я такой никогда раньше не видел. Подошла женщина с ведром яиц и стала жарить яичницу на сале. А.В. Четвергову принесли аккордеон – он оказался прекрасным музыкантом, играл превосходно. После двухчасового общения на природе мы поблагодарили гостеприимных хозяев, сели в автобус и отправились в обратный путь. Всю обратную дорогу в автобусе звучали песни.

По итогам совещания был опубликован сборник материалов, в котором обобщался опыт взаимодействия сельских школ с внешкольными детскими учреждениями¹⁰. После ухода на пенсию кремлевского реформатора прежнее название «школы-комплексы» вновь возродилось, только в иной формулировке – учебно-воспитательные комплексы.

Во все годы Советской власти начало учебного года сопровождалось участием студентов и сельских школьников в сельскохозяйственных работах. Еще в 50-е годы, обучаясь в Воронежском университете я вместе со своими однокашниками неоднократно выезжал в колхоз. Эта практика имела место и в Белгородском пед-

¹⁰ Перспективы развития сельских общеобразовательных учреждений / Под ред. Сунцова Н.С. Составители В.Я. Коровина, Е.В. Тонков. – М., 1982.

институте. Руководящими органами доводилась разрядка – количество студентов, направляемых на уборку урожая. Постоянно работали студенты и на Белгородском консервном комбинате. Нередко к уборке сахарной свеклы привлекали и преподавателей, а также учебно-вспомогательный персонал.

Запомнилась поздняя осень 1978 года. После традиционной демонстрации 7 ноября, посвященной очередной годовщине Октябрьской революции, коллектив института выехал на уборку сахарной свеклы. Завывала метель, земля была мерзлой, припорошенной снегом и твердой как камень. Мы должны были извлекать свеклу из мерзлой земли железными прутами с загнутыми концами и складывать в кучи. Производительность труда была низкой и польза от нашей работ не очень значительной, но главное было – отчитаться. Приятнее было убирать яблоки в совхозе «Комсомолец». Тем более, что там разрешали каждому набрать бесплатно сумку яблок с собой в качестве гонорара за работу. Но наш народ сумочкой не ограничивался. Помню, как кассир-бухгалтер соорудила из своего пальто импровизированный мешок, наполнила до отказа яблоками и таким образом шествовала к автобусу.

Привлекали нас и к заготовке сена. В институт приезжала милостивая женщина, секретарь Свердловского райкома КПСС, и предлагала каждой кафедре накосить хотя бы по небольшому стожку сена. Но так как на асфальте трава не росла, приходилось преподавателям выезжать за город и косить траву, чтобы выполнить свой долг.

В последние годы вузы к таким работам не привлекают – либо техники больше стало, либо фермеры сами справляются, либо убирать стало нечего...

В связи с развитием института менялась и его структура. В 1979 году были открыты кафедры: педагогики начального обучения (зав. кафедрой И.П. Прокопьев) и психологии (зав. кафедрой Н.Е. Анкудинова). Деканом факультета педагогики и методики начального обучения был избран доцент Фролов Петр Тимофеевич, возглавлявший до этого Воронежский областной институт усовершен-

ствования учителей. Он был достаточно известным в педагогической среде человеком, «Литературная газета» писала о нем восторженные статьи и сравнивала с Пьером Безуховым.

В этом же году приказом Министерства просвещения РСФСР была открыта кафедра истории СССР (зав. кафедрой доцент Ф.П. Тройно). На работу был принят кандидат исторических наук Е.А. Молев, определил свою учебную нагрузку на историческом факультете и я в соответствии с базовым образованием – учитель истории и обществоведения. В составе кафедры была образована секция английского языка (руководитель секции – кандидат филологических наук доцент И.Г. Дегтярь).

К открытию кафедр тогда относились очень серьезно. Перед Министерством необходимо было обосновать потребность создания кафедры и сделать это было не так просто. Теперь открытие кафедр стало прерогативой Ученых советов вузов, поэтому этот процесс претерпел существенные изменения, не всегда к лучшему, нередко под эгидой конъюнктурных соображений.

Произошли изменения и в трудовой деятельности моей супруги Ольги Николаевны. Руководитель педагогической практики Н.Т. Ковалева была избрана по конкурсу старшим преподавателем кафедры истории СССР, а на ее место перешла работать Ольга Николаевна, как оказалось, на долгие 20 лет.

Первого марта 1980 года институту было вручено переходящее Красное Знамя Министерства просвещения и ЦК профсоюза за победу в социалистическом соревновании среди педагогических вузов России. Это была очень престижная по тем временам форма поощрения. Вручать знамя приехал наш бывший ректор, начальник Главка Д.М. Забродин, который в 1981 году будет назначен заместителем министра. Наградами были отмечены многие преподаватели. Для организации дружеского приема высоких гостей П.Г. Коняев предложил проректорам пожертвовать свои премии, что и было с пониманием сделано. Каких-либо представительских расходов тогда не было. Неофициальная часть торжественного мероприятия прошла в теплой обстановке, а Дмитрий Михайлович прекрасно

исполнил посвященную партизанам песню «Шумел сурово брянский лес». Мы с удовольствием ему подпевали. Он рассказал, что в подростковом возрасте с августа 1942 года вместе со своим старшим братом Иваном воевал в партизанском отряде.

Ежегодно в январе на Ученом совете института я делал доклад о научно-исследовательской работе за прошедший год, брошюровал его в областной типографии и представлял в Министерство. В отчете два основных блока вопросов – подготовка кадров высшей квалификации и научно-исследовательская работа, в центре которой многие годы оставалась деятельность кафедр, связанная с учебно-воспитательными комплексами.

На ВДНХ СССР в павильоне «Народное образование» в октябре 1981 года была открыта экспозиция, где был представлен опыт Белгородской области по развитию учебно-воспитательных комплексов, в том числе показана роль облоно, нашего института и Белгородского отделения Педагогического общества в этом процессе.

В работе доцента И.И. Августевича на большом фактическом материале была обоснована важная социальная роль и педагогическое значение сельских учебно-воспитательных комплексов. Доцент В.К. Иванова представила свою концепцию по комплексному подходу и воспитанию в системе УВК. Она выделила три направления деятельности – содержательно-информативную, процессуально-деятельностную и организационно-управленческую, разработала критерии подхода к каждому из этих направлений. Доцент кафедры литературы В.А. Овчинников показал, как сопоставление произведений литературы, живописи, музыки формирует чувства, утверждает гражданственность и патриотизм. В исследованиях доцента кафедры ботаники А.А. Сиротина и зав. кабинетом трудового обучения и профориентации института усовершенствования учителей В.К. Невлева была выявлена закономерность положительного влияния занятий искусством на отношение к труду, которые придают ему творческий характер.

В сельских школах области был создан научный совет по опытнической работе в ученических производственных бригадах. В

него вошли сотрудники педагогического и сельскохозяйственного институтов, областной станции юных натуралистов. В тесном контакте с агрономической службой колхоза им. Фрунзе Белгородского района, которым и тогда руководил легендарный председатель дважды Герой Социалистического Труда Василий Яковлевич Горин, проводили исследовательскую работу учащиеся Бессоновского УВК. Василий Яковлевич неоднократно повторял, что интеллектуализация трудового процесса помогает воспитывать настоящего земледельца-труженика.

С колхозом «Красный путиловец» Валуйского района сотрудничали учащиеся Шелаевского УВК, директором которого является многие годы народный учитель СССР Василий Прокофьевич Подерягин.

Важным направлением исследования было физиолого-гигиеническое обоснование оптимального двигательного режима учащихся. В нем принимали участие преподаватели кафедр теоретических основ физического воспитания, спортивных дисциплин, анатомии и физиологии. Была выявлена недостаточная двигательная активность школьников, так как в спортивных секциях занимались только 13-17% учащихся. В исследованиях, которые проводили Р.А. Ахундов, Е.В. Воронин, М.П. Спиринов, Е.В. Хохрякова, был разработан оптимальный двигательный режим для учащихся, который способствовал укреплению их здоровья и улучшению самочувствия.

К этому времени на двух факультетах (историческом, русского языка и литературы) открылась вторая специальность – методист воспитательной работы. Студентам был предложен выбор дополнительных профессий, связанных с организацией внеурочной работы в школах-комплексах. Выпускникам читался спецкурс по организационно-педагогическим основам деятельности УВК. Совместно с НИИ теории и истории педагогики АПН СССР была разработана и внедрена экспериментальная программа для педвузов «Методика воспитательной работы», в которой выделен специальный раздел «Воспитательная работа в средних школах (учебно-воспитательных комплексах)».

15 сентября 1980 года состоялось торжественное открытие подготовительного факультета для иностранных граждан, в то время – единственного в стране. На факультете осуществлялось обучение иностранцев русскому языку для продолжения учебы в вузах по избранной специальности. В основном, это были граждане из Азии, Африки и Латинской Америки. Деканом факультета стал Анатолий Платонович Уваров, который проработал в этой должности 14 лет. Первыми преподавателями факультета были Р.Р. Борзых, Л.Н. Борисова, С.С. Кулик, С.И. Наддел, Т.А. Оксак, а также И.Б. Игнатова. Сегодня Ирина Борисовна – ректор Белгородского института искусств и культуры, депутат городского Совета, доктор педагогических наук, профессор.

Открывал факультет я, а с приветственным словом к слушателям обратилась на английском языке выпускница факультета иностранных языков, Ленинский стипендиат Виктория Тарабаева, которая в настоящее время является директором педагогического института НИУ «БелГУ», доктором социологических наук, профессором.

В целом слушатели отличались трудолюбием и непосредственностью. Многие из них к концу года уже могли говорить по-русски. Особенно хорошо им удавались концерты художественной самодеятельности, которые проходили во Дворце культуры «Энергомаш». Одно время факультет заполнили посланцы дружественного Вьетнама. Больше всего усердия они проявляли в скупке алюминиевой посуды и отправке ее на родину. Скупали ящиками хозяйственное мыло и даже граненые стаканы. Вскоре в магазинах Белгорода возник дефицит основных хозяйственных товаров. Кроме того, вьетнамцы очень любили жарить селедку без масла, от чего по общежитию распространялся невыносимый запах.

Как-то заведующий отделом науки и учебных заведений обкома КПСС Е.П. Сакулин зашел ко мне в кабинет и попросил позвать А.П. Уварова. Он стал упрекать его в низком контроле за поведением иностранных студентов.

– Как Вы могли допустить, что принцесса из африканской страны забеременела? – грозно спросил он декана. – Вы понимаете, что это может привести к международным осложнениям?

– Не досмотрели, – признал Анатолий Платонович. – Кстати, принцессу уже отправили рожать домой.

Евгений Петрович Сакулин много внимания уделял работе института, был строг и придирчив, но совсем другим – улыбчивым и доброжелательным – был в неформальной обстановке. Как-то в начале лета мы с супругой возвращались домой с дачи на рейсовом автобусе (машины у меня никогда не было – только служебный мотоцикл, когда работал заведующим районо в Воронежской области). В автобус еле втиснулся и Евгений Петрович.

– А почему с пустыми руками, где урожай? – весело спросил он. – Могу поделиться.

С этими словами он торжествующе вручил нам кабачок. Это было в начале июня, когда у нас они еще только зацвели.

В то время партийные органы плотно опекали не только производственные объекты, но и учебные заведения. Однажды, когда я исполнял обязанности ректора в связи с отпуском Петра Григорьевича Коняева, мне позвонили из приемной первого секретаря обкома КПСС и сказали, что надо срочно прибыть к Михаилу Петровичу. Погода была теплой, и я пришел на работу без пиджака. В таком виде в обком являться было нельзя – требования к дресс-коду были жесткие. Побежал домой, а ключи забыл. Дома никого не оказалось. Пришлось плечом выдавить дверь в квартиру, благо, в те времена о металлических дверях и представления не имели. Повязал галстук, схватил пиджак, дверь прикрыл кое-как и поехал на троллейбусе в обком. Служебная машина была только у ректора. Михаил Петрович Трунов встретил меня приветливо, поинтересовался здоровьем и сказал:

– Завтра в область приезжает секретарь ЦК КПСС Андрей Павлович Кириленко. Будет ехать на свою родину, в Алексеевку. Не исключено, что захочет посетить институт, будьте готовы.

На этом разговор закончился, и я помчался домой ремонтировать дверь в квартиру, размышляя о превратностях судьбы – неужели все это нельзя было сказать по телефону? Кое-как закрыв дверь, я поспешил в институт и зашел к проректору по администра-

тивно-хозяйственной работе Ф.Я. Эстису. Объяснил ему задачу, и все пришло в движение – стали мести двор, белить бордюры и деревья, мыть лестницы и вестибюль. Комендант учебного корпуса Вера Григорьевна Сахарук пошла выбивать четырехметровую красную дорожку, которая использовалась в торжественных случаях. Пригласил секретаря парткома В.Е. Харченко, обсудил с ним программу действий, предупредил деканов.

На следующий день стали ждать гостя. Из обкома позвонили – выехал. Мы с секретарем парткома вышли на крыльцо, Вера Григорьевна постелила перед входом красную дорожку. Минут сорок прождали – никого нет. Свернули дорожку и разошлись. Вдруг кто-то сообщил – едут. Опять выскочили, постелили дорожку. Вдоль трассы появились милиционеры в белых перчатках. Мимо пронеслась вереница черных автомобилей, и все стихло. Не заехал. Вера Григорьевна, убирая дорожку, что-то про себя проворчала.

Партийные органы никогда не оставляли меня без поручений. Некоторые из временных перешли в постоянные – председатель комиссии по проведению празднования 1 Мая и дня Октябрьской революции; ответственный за наглядную агитацию; председатель участковой избирательной комиссии.

Во время праздничных демонстраций коллектив института вооружался плакатами, лозунгами, портретами руководителей партии и государства. Собирались у института, а затем в сопровождении духового оркестра шествовали по ул. Б. Хмельницкого к железнодорожному вокзалу, а уже потом – на площадь Революции (теперь Соборная), где с трибуны нас приветствовало областное начальство.

К каждому празднику придумывалась «изюминка». Как-то секретарь комсомольской организации Юра Питинов (сегодня Юрий Никитович руководит университетским профкомом) пришел на демонстрацию в матросском бушлате и бескозырке с лентами. Рядом с ним – солдат с винтовкой и рабочий в кожаной тужурке.

На майские праздники факультет педагогики и методики начального обучения вышел в форме педагогических отрядов (белый

верх – черный низ, красный галстук, на голове пилотка, в руках ба-
рабан). Было очень эффектно.

С этими праздниками связан один забавный эпизод. После окончания демонстрации по существовавшей традиции большинст-
во людей отмечали праздник торжественным обедом. На одну из
таких трапез нас с Ольгой Николаевной пригласили к себе домой
наши сваты – Петр Дмитриевич и Вера Алексеевна Кониковы, на
дочери которых Галине, выпускнице Харьковского авиационного
института, был женат наш сын Евгений, окончивший к тому време-
ни технологический институт и работавший в милиции. В это вре-
мя в пединституте проходил стажировку доктор Прюсс из Гюст-
ровской высшей педагогической школы (Германия).

С любезного разрешения хозяев мы пригласили его с собой в
гости. Войдя в квартиру, доктор Прюсс с загадочной улыбкой вру-
чил хозяйке Вере Алексеевне сверток в серебристой фольге. Она,
естественно, подумала, что это сувенир из Германии и, сгорая от
любопытства, поспешила распаковать подарок. Вдруг Вера Алексе-
евна стала беззвучно смеяться, вытирая слезы. Подарком из-за ру-
бежа оказался батон копченой колбасы. Гость вначале ничего не
понял, но когда он вошел в гостиную и увидел роскошный стол, за-
ставленный всякими деликатесами, он покраснел и стал извиняться.

Действительно, в 80-е годы в белгородских магазинах колбасу
редко можно было увидеть, но Петр Дмитриевич занимал ответст-
венный пост в агропромышленном комплексе области и получал
так называемый «паек», который полагался руководящим работни-
кам и продавался в специальном магазине. В паек входили продук-
ты, которыми сегодня никого не удивишь, – колбаса, мясо, чай, ко-
фе, консервы из лосося и осетровых рыб, икра, шоколадные конфе-
ты, но рядовым гражданам они были практически недоступны. Так
что, если бы доктор Прюсс принес свой презент ко мне домой, он
оказался бы весьма кстати.

Важным моим партийным поручением было руководство уча-
стковой избирательной комиссией. Моим заместителем был заве-
дующий кафедрой спортивных дисциплин М.П. Спирин (ныне По-

четный профессор НИУ «БелГУ»), а секретарем – ассистент международного факультета С.С. Кулик. Главная задача состояла в том, чтобы все проголосовали. Выборы начинались в 6 часов утра и заканчивались в десять вечера. Подсчет голосов и заполнение протоколов продолжалось до глубокой ночи, а затем все документы отвозились в Свердловский райисполком (в Белгороде тогда, как и сейчас, было два района, только назывались они Свердловский и Октябрьский. Кстати, федеральные суды, несмотря на переименование районов в Западный и Восточный округа, сохранили прежнее наименование).

В день выборов приходилось идти на участок к 5 часам утра. Размещался он в центральном корпусе пединститута, где сейчас находится приемная комиссия. Проверялся ящик для голосования (тогда он назывался «урна»), раскладывались бюллетени и списки избирателей. Первыми, как всегда, начинали приходить пенсионеры, которые, исполнив гражданский долг, торопились в буфет. В день выборов там обычно продавали дефицитные по тем временам продукты. В институтском буфете удавалось приобрести и мне пару кружков «краковской» колбасы. Через каждый час надо было докладывать в инстанции о ходе голосования. Ближе к вечеру М.П. Спирин брал избирательную урну и ездил по квартирам тех, кто не смог или не захотел идти на выборы – добивались почти 100% явки. Выборы были безальтернативными, поэтому главное было добиться высокой активности избирателей.

В середине 1982 года в соответствии с договором о сотрудничестве мне предложили отправиться на стажировку в Гюстровскую высшую педагогическую школу. Немецкие коллеги заинтересовались проблемой управления процессом нравственного воспитания, которая была мне близка в научном плане. Кроме того, я неплохо знал немецкий язык. С помощью преподавателя кафедры немецкого языка Татьяны Белоусовой я перевел лекцию «Управление процессом нравственного воспитания», так как решил читать ее на языке принимающей стороны.

В начале ноября поездом «Москва-Берлин» я выехал в командировку. В Берлине меня встретили коллеги из Гюстрова и на ав-

томобиле мы отправились к месту назначения. Разместили меня в комнате для приезжих студенческого общежития. В холодильнике, который дребезжал так же, как и в Ополе, я обнаружил вареное яйцо и кусок ливерной колбасы. На журнальном столике лежал план моего пребывания, отпечатанный на немецком языке. Ознакомившись с его содержанием, я лег отдыхать. Утром пришла молодая девушка, ассистент кафедры педагогики. Она хорошо говорила по-русски. Принесла мне талоны на обед и предложила погулять по городу.

Гюстров оказался небольшим провинциальным городом с населением всего 40 тысяч жителей. Из достопримечательностей я отметил только дворец средневековой постройки, на первом этаже которого располагался ресторан. В телефонной будке на улице я с удивлением обнаружил справочник и подумал, как долго он пролежал бы в кабине белгородского телефона-автомата. Но это было не все. Девушка бросила монету в автомат и предложила мне набрать номер своего домашнего телефона. Через минуту я уже разговаривал со своей супругой. В России тогда это трудно было представить, причем оказалось, что телефонный кабель был протянут еще во времена фашистской Германии.

На следующий день я побывал на заседании кафедры, познакомил коллег с темой исследования, лекционным курсом. Затем они стали обсуждать свои кафедральные вопросы. Немецкие коллеги поинтересовались, понимаю ли я, о чем идет речь. Здесь меня ждало разочарование. Я знал многие слова и в целом мог понять содержание разговора, но вступить в диалог для меня оказалось делом чрезвычайно сложным. Сказывалось полное отсутствие разговорной практики. В институте мы неоднократно открывали бесплатные курсы для преподавателей по изучению иностранных языков, но, к сожалению, эти начинания не имели ожидаемого эффекта, так как для владения языком необходимо повседневное общение и постоянные занятия, а не разовые акции, пусть даже и с выездом за границу. Иначе – это пустая трата денежных средств и времени.

Сотрудники кафедры с интересом отнеслись к моей персоне, пообещали побывать на моих лекциях. Профессор Вернер Науманн

пригласил меня в замок на обед. Впоследствии выяснилось, что обед входил в программу пребывания и был оплачен принимающей стороной. Тратить личные деньги на эти цели у немцев не принято. Подали борщ в широкой чашке, отдаленно напоминающий наш, отбивную с картофелем и сухое вино. Пообщались часа полтора, после чего Науманн подарил мне свою книгу «Didaktik».

На мою первую лекцию пришли не только студенты, но и преподаватели, всего человек 75. Лекция была рассчитана на два академических часа, и читал я ее на немецком языке. После ее окончания все дружно стучали по столам в знак одобрения. Затем стали задавать вопросы, но на немецком я отвечать на них не мог, помогал переводчик. Эта лекция была опубликована в сборнике научных трудов Гюстровской высшей педагогической школы. Остальные лекции я читал на русском языке с помощью переводчика.

В соответствии с планом стажировки я также посетил г. Росток, порт на Балтийском море. Меня сопровождал один из преподавателей, с которым мы на его машине доехали до вокзала и пересели на поезд, хотя Росток находится не так далеко от Гюстрова. Я спросил, почему не поехали на машине, на что сопровождающий ответил, что бензин очень дорогой. Посетили местный университет, погуляли по берегу моря и отправились обратно.

Запомнился прием у ректора Гюстровской высшей педагогической школы профессора Г. Люттера. Пришел в 14 часов 57 минут, постучал в дверь приемной. Открылось окошко и выглянула секретарь:

– Вам назначено на 15 часов. Еще три минуты!

После этого окошко захлопнулось. Ровно в 15-00 дверь открылась и меня впустили к ректору. Это был лысоватый, плотный мужчина средних лет с хитринкой в глазах, внешне очень напоминающий Мюллера в исполнении Леонида Броневского из фильма «Семнадцать мгновений весны». На журнальном столе находился поднос с закусками и бутылка вина.

– Сразу приступим к делу, – предложил ректор, пригласив меня к этому столу и разливая в бокалы вино. – Первый тост за дружбу между нашими народами!

– Второй тост за дружбу между нашими вузами, – также про-
изнес ректор. – А теперь побеседуем.

Разговор продолжался около двух часов, после чего я побла-
годарил профессора Г. Лютера за теплый прием и пригласил его
посетить наш институт.

Программа стажировки предусматривала и посещение Дрез-
дена. Но если в Польше из Ополе в Краков меня возили на микро-
автобусе, то здесь было по-другому. На поезде я самостоятельно
должен был поехать в Дрезден, а оттуда в Берлин для отъезда до-
мой. В Берлине меня ожидал преподаватель, который направлялся
на стажировку в наш институт на кафедру немецкого языка. Дейст-
вывая в соответствии с намеченным планом, я поехал поездом в Дрез-
ден. Был конец ноября, смеркалось, а мне надо было найти обще-
житие университета, где предполагался мой ночлег. Кое-как я его
нашел и там, действительно, для меня была заказана комната, где я
и переночевал.

Утром ко мне зашел пожилой человек, преподаватель универ-
ситета, и сказал, что ему поручено провести мне экскурсию по го-
роду. Я отметил хорошее знание им русского языка.

– Два года пробыл у вас в плену до конца войны, да еще три
года после войны. Поневоле научишься, – усмехнулся он. – Сейчас
вот жду пенсию, но она у нас дается с 65 лет.

– А как на пенсии жить собираетесь? – спросил я.

– У нас она мало чем отличается от зарплаты, составляет 90%,
поэтому жду ее с нетерпением, – ответил мой собеседник.

– Вот тебе и побежденная Германия, – подумал я, вспоминая
мизерные пенсии своих ушедших на заслуженный отдых коллег.

Побывали с ним в Дрезденской галерее, осмотрели другие
достопримечательности старинного города, после чего я отправил-
ся поездом в Берлин. Немного не доехав, решил посетить Потсдам,
так как свободное время еще было. В городе встретил советского
офицера в форме, который ехал на велосипеде. Я спросил у него,
как добраться до музея Потсдамской конференции. Он заулыбался,
показал дорогу и сказал, что он родом из Брянска – почти земляки.

Осмотрев музей, я продолжил свой путь в Берлин. Столица социалистической Германии уже готовилась к Новому, 1983 году. Всюду продавались елочные украшения, различные сувениры, все куда-то спешили. У меня было приподнятое настроение – я возвращался домой! Быстро дошагал до Бранденбургских ворот, за которыми начинался Западный Берлин.

Нельзя было и предположить, что буквально через несколько лет рухнет казавшаяся незыблемой стена, разделявшая два немецких государства, и похоронит под своими обломками все социалистическое содружество, а вместе с ним и Советский Союз, и многие идеалы, в которые мы так верили, а может быть, еще и продолжаем верить...

На вокзале я встретился со своим спутником, который направлялся на стажировку в Белгородский пединститут. Перрон уже наполнялся пассажирами, многие из них были в шапках-ушанках и с большой поклажей. По этим неизменным атрибутам я легко узнавал своих родных соотечественников. Поезд медленно тронулся, увозя нас в новый 1983, год, год новых надежд на лучший завтрашний день.

Впереди меня ждали вузовские будни и еще почти двадцать лет в должности проректора по науке педвуза и первого проректора по научной работе университета. Но это уже другая история. Кажется, что все прошедшее было недавно и в то же время – очень давно, в другом веке и в другой стране.

Мемуары

Тонков Евгений Вячеславович

БУДНИ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ВУЗА
(ЗАПИСКИ ПРОРЕКТОРА)

В авторской редакции
Компьютерная верстка *Н.А. Гапоненко*
Дизайн обложки *П.Ю. Куриленко*

Подписано в печать 29.08.2013. Формат 60×84/16.
Гарнитура Times, Georgia. Усл. п. л. 6,04. Тираж 100 экз. Заказ 314.
Оригинал-макет подготовлен и тиражирован в ИД «Белгород» НИУ «БелГУ»
308015, г. Белгород, ул. Победы, 85